Каникулы в Простофилино

Автор:
Дарья Донцова

Каникулы в Простофилино

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #17

Любовь – страшная сила, это давно известно. Из-за нее происходят невероятные вещи! И я, Виола Тараканова, смогла лично в этом убедиться, решив помочь Милке Каркиной. По дому подруги бродит… чучело крокодила. Только чучело не обычное, а тотем кровожадного африканского племени. Ходит эта мумия и угрожает уничтожить всю семью! Глупости, такого не бывает! Вон его, на помойку! Собственными руками! Но что это? Вот же он, опять у порога стоит… И родители Милки вдруг одновременно умирают. Неужели причина именно в проклятии мерзкой крокодильей мумии? Нет, не верю я в чертовщину. Но в чем же тогда суть? Придется мне тогда разобраться. Чучело немедленно в огонь! А теперь пора взяться за дела людские…

Дарья Донцова

Каникулы в Простофилино

Глава 1

Ничто так не бодрит по утрам, как чашечка свежего, ароматного, горячего-горячего кофе, вылитого себе прямо в постель.

Горестно осмотрев темно-коричневую лужу на одеяле, я вздохнула и решила не расстраиваться. В конце концов в любой неприятности можно обнаружить и хорошие стороны, это еще Антон Павлович Чехов подметил – насколько помню, ему принадлежит замечательный афоризм: «Если тебя бьют палкой, радуйся, что тебя не лупят крапивой». Впрочем, за стопроцентную точность цитаты не ручаюсь, но смысл передала правильно. Так, попробуем найти положительные стороны в только что случившейся незадаче. Впервые в жизни решила позавтракать в постели, надумала ощутить себя героиней романтического кино и… перевернула поднос. Впрочем, если перестать расстраиваться, то сразу станет понятно: мне феерически повезло – в кружке дымился обжигающий напиток, просто кипяток, очутись он на моем животе, сейчас бы уже кричала от боли и звонила в «Скорую». А так всего лишь испортила пододеяльник, простыню, наволочку, подушку, матрас, прикроватный коврик, даже до тумбочки и абажура ночника долетели темно-коричневые брызги. Но если учесть, что мы временно живем в съемном доме, вся обстановка, вкупе с мелочами, принадлежит хозяевам и что эти посторонние люди выставят нам счет за все испорченное, то становится ясно и другое: небольшой каприз, идиотское желание почувствовать себя героиней мыльного сериала обернется нехилой суммой. А уж как будет ругаться Олег, узнав о непредвиденных тратах!

Продолжая вздыхать, я начала ликвидировать последствия беды и мало-помалу вновь обрела замечательное настроение. Значит, так, сейчас поменяю белье и никому ни словом не обмолвлюсь о маленьком казусе. Где сказано, что жена обязана сообщать мужу обо всем? Наоборот, хорошая супруга не захочет зря волновать любимого мужчину. Признайтесь, вы всегда честно сообщаете главе семьи о стоимости купленных вещей? Лично я, не моргнув глазом, приуменьшаю цифру, напечатанную на чеке. Нет, я не вру мужу, просто забочусь о нем. Узнав, что новый чайный сервиз, страшно симпатичный набор, украшенный изображениями танцующих мышек, обошелся мне в… гм… не стану тут озвучивать количество рублей, Олег расстроится, возмутится и заорет: «Зачем нам идиотские кружки за бешеные бабки?» А если услышит, что тридцать два предмета из отличного фарфора умница-супруга отхватила всего за триста целковых, окажется доволен.

Вот и делайте вывод: всегда ли полезно говорить правду, ведь в первом случае Куприн заработает гипертонический криз, а во втором – получит массу положительных эмоций. Это раз. Теперь два. В доме полно постельного белья, в кладовке лежит комплектов тридцать, не меньше. Сегодня же куплю новый и суну на полку. Разве хозяевам придет в голову пересматривать пододеяльники с наволочками? Неужели они помнят, что имели в запасе вот этот набор, розовый с

цветочками? Решено, перестаю расстраиваться и начинаю бурно радоваться тому, что не обожглась до волдырей.

Интересно, каким образом женщины ухитряются пить кофе в постели, не испачкав ничего в радиусе метра? В кино обычно показывают красивую сценку: она лежит на шелковых простынях, одетая в кружевную сорочку с широкими рукавами, внезапно раздается стук в дверь, и веселый голос произносит:

– Разрешите подать завтрак?

Симпатичная горничная входит в спальню, раздергивает шторы, хозяйка медленно распахивает глаза с густо накрашенными ресницами, отводит рукой с безупречно сделанным маникюром прядь идеально завитых волос, упавшую на щеку, покрытую тональным кремом, и, еле-еле шевеля ярко напомаженными губами, щебечет:

– Надеюсь, кофе не остыл?

Горничная ставит поднос на кровать и, поклонившись, уходит.

Я потрясла головой, видение исчезло. Ну почему только что пропавшая картинка кажется мне нереальной? Может, потому, что не понимаю, как можно спать в кружевной ночнушке? Мне, простите за интимную подробность, больше по душе просторные футболки или фланелевые пижамки – они не колются. И потом, если на секунду представить, что я наняла домработницу, то какое зрелище развернется перед взором прислуги, когда та раздернет шторы в спальне? Я не ложусь спать в макияже (кстати, и днем-то стараюсь поменьше краситься), поэтому вместо прелестного личика на подушке «засветится» помятая физиомордия с глазками-щелками. И уж совсем невероятно для меня – сохранить к утру прическу. Даже если сделаю укладку, а потом залью волосы лаком, куафюра развалится от первого соприкосновения с подушкой. А еще широкие рукава ночнушки непременно попадут в кофе и смахнут с тарелки тосты с маслом. Кино – это один большой обман, а я – наивная дурочка, невесть по какой причине захотевшая романтики.

– Блям-блям… – донеслось с первого этажа.

В режиме ошпаренной кошки я метнулась в прачечную, запихнула в стиральную машину испачканное белье и вновь услышала:

– Блям, блям, блям…

Решив заняться стиркой позднее, я полетела к входной двери. Кто из домашних вернулся домой в неурочный час? Томочка повезла Кристину в школу, Никитку подруга взяла с собой, Семен и Олег отправились на работу, а больше у нас в доме никого нет.

Не посмотрев на экран видеодомофона, я распахнула дверь и попятилась – нечто большое, похожее на гигантскую кошку, выпятило передние конечности и заорало человеческим голосом:

– Вилка! Умираю!

Несколько секунд понадобилось мне, чтобы понять: у здоровенного животного не совсем правильные лапы, они заканчиваются не розовыми подушечками, в которых прячутся бритвенноострые когти, а пальцами с внушительной длины ногтями, покрытыми пронзительно розовым лаком. И потом, кошке положено мяукать, а это существо верещит истерическим дискантом:

– Жизнь закончена, помоги!

Голосок показался знакомым, я вгляделась в лицо, занавешенное длинными волосами, и с легким недоумением спросила:

– Мила? Ты?

– Я, – завсхлипывала подруга. – Кто ж еще?

– Не узнала, богатой будешь.

– Бедной лучше, – топнула Милка ногой, обутой в эксклюзивную туфельку из кожи кенгуру. – Я точно знаю! Не спорь!

Мне и в голову не могло прийти перечить Миле. Во-первых, это абсолютно бесполезное дело, подруга все равно перекричит любого, а во-вторых, лет десять назад она, тогда почти нищая, и впрямь была счастливей.

– Что на тебе надето? – не удержалась я.

– Комбинезон от «Корталес», – перестала на секунду визжать подруга, – самая модная фенька. Неужели не слышала? Все журналы забиты рекламой.

– Не жарко ли сейчас в мехах? – заинтересовалась я. – На улице, правда, уже осень, но всего лишь сентябрь, и очень теплый.

– Много ты понимаешь! – вскинула голову Мила. – Прикид дырчатый. И потом, ради красоты можно и потерпеть, на меня все оглядываются.

Я поежилась. На мой взгляд, если на тебя пялятся прохожие, это совсем даже не приятно, а наоборот. Милка не знает славы, а мне, увы, приходится теперь есть кашу под названием «Жизнь звезды». Некоторое время назад в издательстве «Марко» случился легкий скандал, конкуренты из фирмы «Брель» перекупили одну из писательниц, пообещав жадной бабенке миллионы. Алчная беллетристка, наплевав на подписанный договор, сделала «марковцам» ручкой и унеслась к тем, кто тряс перед ее носом мешком с деньгами. Марьяна, так зовут ту детективщицу, выбрала для своего предательства самое удачное время: «Марко» только-только провело широкомасштабную рекламную кампанию ее новой книги, выход которой ожидался в начале сентября. Марьяна охотно давала интервью, светилась перед телекамерами и щебетала в радиоэфирах, а потом – бабах! – детективчик выпустило издательство «Брель», которое теперь получит прибыль, не истратив ни копейки на рекламу, загребет жар чужими руками. Конечно, наглое поведение Марьяны возмутило ее прежних издателей, но плакать о потере никто не собирался, если случается скандал, то в паре «писатель – издатель» всегда побеждает последний (в конце концов людей, кропающих рукописи, в России больше, чем тех, кто их превращает в книги). Свято место пусто не бывает, в «Марко» посовещались и решили, что пора делать звезду из Арины Виоловой, то есть из меня. Еще и двух недель после того решения не прошло, а я, успевшая несколько раз продемонстрировать морду лица на центральных телеканалах, сообразила: слава – это не всегда приятно.

Но у Милки иное мнение по данному поводу.

– Пальцем тычут, – слегка снисходительно продолжала она, – подсчитывают, сколько шмотенка стоит, но, конечно, ошибаются. Комбезик дорогой до жути! Я одна такой имею!

Я вытянула руку и пощупала лохматый рукав. Похоже, Милке таки жарко, вон у нее все лицо какое красное…

– Катастрофа! – взвыла подруга. Она на секунду отвлеклась, рассказывая об обновке, но сейчас опомнилась и вновь заломила руки. – Вилка! Помоги!

– Давай выпьем кофе и поговорим спокойно, – предложила я.

Вообще говоря, мне следовало немедленно начинать работу над новой книгой. Олеся Константиновна, мой редактор, строго предупредила:

– Раз мы затеяли вашу раскрутку, то не задерживайте текст.

Писательница Арина Виолова, то есть я, естественно, клятвенно пообещала десятого сентября представить рукопись романа, которому суждено стать бестселлером. Но, увы, на столе пока громоздится пачка чистой бумаги, а в голове Арины Виоловой зияет пустота. Впрочем, я абсолютно не виновата в создавшемся положении – мне постоянно мешают, не дают сосредоточиться, а ведь я живой человек, отнюдь не робот. В начале августа подцепила какую-то странную болячку, без температуры, просто в полнейшей апатии лежала на диване. Олег не слишком любезно назвал недуг «обострением лени», но Куприн, как всегда, ошибся. Я исправно ходила по магазинам и посещала кино, просто пальцы ослабли и не могли держать ручку. Затем к нам приехали на неделю гости, потом зарядил дождь, а во время ненастья у меня падает давление. В общем, плодотворной работе, словно сговорившись, мешали все, включая природу. А сегодня? Только-только собралась начать роман, оставалось лишь убрать кровать, выпить кофе и сесть за стол, как появилась Милка. Ну не бросать же подругу в беде?

– Папа с ума сошел! – завсхлипывала Мила, усаживаясь в просторное полукресло. – Ну как не надоест идиотничать? Теперь такое купил! Столько отвалил!

Я понимающе закивала. Мы с Милой учились в одном классе и всегда хорошо друг к другу относились, жили по соседству и не слишком-то разнились по материальному достатку. Правда, меня воспитывала мачеха Раиса, крепко закладывавшая за воротник дворничиха[1 - О детстве и юности Виолы Таракановой рассказано в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».], а у Милы имелись вполне положительные мама и папа, но только у нас обеих редко появлялись новая одежда и игрушки. Родители Милки, Анна Семеновна и Антон Петрович Каркины, служили скромными научными работниками – они ботаники в прямом смысле этого слова, то есть занимались изучением растений. Антон Петрович принципиально не желал писать диссертацию, на все приказы жены, заявлявшей: «Немедленно начинай сбор материала», – мужчина тихо отвечал: «Зачем?» – «Как это? – возмущалась Анна Семеновна. – Защитишься, получишь прибавку к зарплате, и нам легче станет!» – «Лучше сама борись за кандидатскую степень, – возражал муж, – у меня ничего не получится».

Анна Семеновна поджимала губы и замолкала. Даже мне, школьнице, не раз присутствовавшей при подобных беседах, становилось понятно: старшие Каркины абсолютно не хотят тратить годы на «остепенение», оба считали написание диссертации идиотским делом. Просто семья нуждалась в деньгах, а в советские времена кандидаты наук были элитой общества и имели некоторые льготы. И потом, очень приятно сообщать окружающим: «Мой муж (или жена) признанный ученый». Каркины, конечно же, хотели получить материальное благополучие и полнейшую моральную сатисфакцию, вот только не желали браться за диссертацию.

Когда Милка пошла в десятый класс, тетя Аня и дядя Антон вдруг перестали подпихивать друг друга к дверям аспирантуры. Они сообразили: в семье подрастает дочь, вот кто выполнит то, что не сумели родители. Миле следует сначала получить диплом, потом старательно написать первый научный труд, а там уж и до докторской рукой подать.

Мила пришла в полнейший ужас, когда папа с мамой изложили ей свой план. Но у девочки хватило храбрости заявить:

– Никогда не отправлюсь на факультет растениеводства! Вижу себя художницей.

И у Каркиных дома началась битва, которую можно сравнить лишь с танковым сражением под Прохоровкой. Если забыли, напомню: около этого небольшого местечка под Курском в ходе Второй мировой войны случилась настоящая бойня, в которой полегло неисчислимое количество техники и людей.

В борьбе все средства хороши, и тетя Аня сказала мужу:

– В институт, где учат малевать картины, без протекции не поступить. Мила непременно срежется на первом экзамене. Впрочем, до него дело и не дойдет – она не выдержит творческий конкурс.

Честно говоря, я была согласна с тетей Аней. Мила выдавала ужасающие, на мой взгляд, полотна, на которых «красовались» предметы с явно искаженными пропорциями, а цветовая гамма – черно-коричнево-фиолетовая – могла вызвать жесточайшую депрессию даже у трехмесячной обезьянки.

– Ты абсолютно права, милая, – закивал дядя Антон, услыхав речи супруги. – Пусть шлепнется побольней, одумается и пойдет изучать ботанику, потом нам благодарна будет.

Полностью уверенные в своей правоте, старшие Каркины прекратили спорить с Милкой и начали ждать разгрома дочери на вступительных экзаменах.

Как же они ошиблись! Когда Мила выложила на стол перед приемной комиссией листы, щедро запачканные краской, преподаватели заломили от восторга руки, наговорили вчерашней школьнице кучу комплиментов и побежали договариваться с предметниками, чтобы те, не дай бог, не завалили юное дарование на сочинении или иностранном языке.

Надежда Каркиных заиметь в доме настоящего кандидата наук, увлеченно препарирующего цветочки, лопнула с оглушительным треском. Тете Ане и дяде Антону предстояло теперь жить с художницей, а люди искусства, как всем известно, безалаберны, бедны и пьют много водки.

Годы обучения в институте сильно изменили Милку. Педагоги в один голос твердили о ее невероятной талантливости и прощали студентке Каркиной все: пропущенные утренние лекции, двойки по научному коммунизму, не вовремя сданные курсовые проекты, отказ идти на практику… Любой другой учащийся

мигом бы лишился стипендии и не был бы допущен к сессии, но в случае с Милкой нарушения оставались без наказания.

– Таланту свойственно отрицание норм, – вздыхала профессура, – Милочка самое яркое дарование в институте.

Вместо внушения безалаберной Каркиной мысли об ее уникальности преподаватели должны были бы донести до мозга «звезды» простую мысль – что без труда не вытянуть рыбку из пруда, что к способностям надо приложить бездну трудолюбия, иначе ничего не выйдет. Но о необходимости упорной работы Милочке рассказать забыли.

В отличие от учительствующего состава сокурсники Каркину не любили. Элементарная зависть тут смешивалась с негодованием, и большинство юношей и девушек задавалось вопросом: почему меня, опоздавшего на один день сдать курсовую, не допустили к сессии, а заносчивая Каркина, которая вообще не написала работу, преспокойно переведена на следующий курс?

Приятелей в институте Милка не завела, продолжала дружить со мной и Кирой Пулькиной, еще одной нашей одноклассницей. После получения диплома Мила осела дома и заявила родителям:

– Я гений, ходить на службу не могу: вставать в семь, а потом трястись в метро не для меня. Хочу писать нетленку на божественные сюжеты.

Тетя Аня и дядя Антон купили ведро валерьянки и принялись пить ее стаканами, закусывая всеми возможными успокаивающими таблетками.

В тот момент власть коммунистов, несмотря на уже начавшуюся перестройку, казалась еще нерушимой, и представляете, какая судьба ждала девицу, малюющую жутковатые полотна про побег древних евреев из Египта?

Глава 2

В 1991 году Каркины вместе со всей страной чуть не умерли с голоду. Одна радость – у них не имелось никаких накоплений на черный день, и реформы не обесценили запасов. Чтобы не впасть в библейскую нищету, тетя Аня и дядя Антон приняли историческое решение – перебрались жить на дачу. Поселились в крохотном домике, прихватив с собой двух нахлебников: болонку Бусю вместе с ее розовым матрасом и Милку с мольбертом. Впрочем, от Буси имелся кое-какой толк, собачонка исправно лаяла на чужаков, а вот Милка была абсолютно бесполезной. Свою квартиру Каркины сдали приятным молодоженам, пообещавшим платить за снятую жилплощадь два раза в год, в декабре и августе. Только наивные ботаники могли согласиться на подобные условия и не потребовать задатка.

Тридцать первого числа последнего месяца лета тетя Аня явилась за арендной платой и обнаружила, что съемщики исчезли в неизвестном направлении, прихватив с собой немалое количество хозяйских вещей. Денег у Каркиных не имелось совсем. Сначала дядя Антон растерялся, но потом вдруг сообразил: на носу первое сентября, школьникам понадобятся букеты, а цветов на даче растет видимо-невидимо, причем потрясающей красоты – Каркины умеют и любят ухаживать за растениями, у них заколосится даже зарытая в землю старая лопата.

Рано утром ботаники встали у метро с ведрами свежесрезанных гладиолусов удивительных размеров и уникальной пестрой расцветки. Спустя полчаса тара опустела, а в руках несостоявшихся кандидатов наук приятно зашуршали бумажки с водяными знаками.

Вот так и начался могучий бизнес, который сегодня цепкими ветвями оплел не только Москву со столичной областью, но и многие города России. Дядя Антон превратился в богатого человека, тетя Аня в жену почти олигарха. Впрочем, оба до сих пор работают не покладая рук. В салонах с названием «Радуга мечты»[2 - «Радуга мечты» – название придумано, все совпадения в наименованиях фирм случайны. Прим. автора.] продаются не только букеты и цветочные композиции, Каркины торгуют экзотическими растениями, помогают собрать коллекцию для зимних садов и оранжерей. Особо почетным клиентам сотрудники дяди Антона привозят всяческие стебли с листьями из разных стран, ведь многим людям хочется похвастаться перед соседями, ткнув пальцем в некий аленький цветочек и небрежно бросив:

– Это Аркадеус африканский, в России имеется лишь в единичном варианте, его доставили из Кении специально для меня.

Начав ездить по городам и странам, дядя Антон неожиданно увлекся коллекционированием. Теперь у Каркиных водятся немалые деньги, и ботаники способны позволить себе буквально все.

Дряхлая болонка Буся имеет с десяток ошейников, украшенных натуральными драгоценными камнями, а ест она из позолоченных изнутри серебряных мисок. Милка по-прежнему пишет картины ужасающего вида, но теперь дядя Антон покупает их у родной дочери и развешивает в своих салонах. Правда, в последнее время Мила вдруг стала хорошо продавать свои работы. Ее полотна понравились какому-то иностранцу, он забирает все, созданное Милочкой. Не так давно тетя Аня сказала мне:

– Мы недооценивали творчество дочери. Зря Антон говорил, что девочка у нас никчемная, Милочка начала великолепно зарабатывать.

Старшие Каркины выстроили дом в Подмосковье и зажили счастливо. Стоит ли упоминать, что их двор напоминает висячие сады Семирамиды? Растения тут везде, они заполняют и особняк, и три огромные оранжереи.

Приезжая к Каркиным в гости и оглядывая сие великолепие, я всякий раз мысленно задаю себе вопрос: откуда в тишайших и скромнейших тете Ане и дяде Антоне взялась железная хватка бизнесменов, каким образом без начального капитала и минимальной помощи со стороны они сумели организовать широкомасштабное дело? Где прятались их способности в прошлые времена? Внешне-то представители старшего поколения Каркиных не изменились – они не растопырили пальцы, не отвадили от дома прежних друзей, не стали высокомерными. Впрочем, одно изменение все же произошло.

Как я уже упоминала, дядя Антон, выискивая за границей редкие экземпляры флоры, стихийно превратился в коллекционера. На мой взгляд, он тащит в дом всякую дурь – статуэтки африканских божков, фигурки животных из черного дерева, ритуальные маски, жезлы жрецов, черепа, вырезанные из камней. И если в ботанике папа Каркин дока, обмануть его совершенно невозможно, то в деле собирательства он является восторженным новичком, которого аборигены ловко обводят вокруг пальца.

Прибыв в очередную африканскую страну, дядя Антон обязательно рулит на базар. Очевидно, весь характер написан у мужчины на лбу, потому что продавцы кидаются к россиянину и легко всучивают ему предметы культа, «самые настоящие, подлиннее не бывает, найденные в хижине умершего жреца».

Тетя Аня спокойно относится к чудачествам мужа. Ей, правда, не очень нравится ходить мимо страхолюдских масок и оскаленных черепов, но хорошая жена всегда найдет правильный подход к мужу и не станет устраивать семейных скандалов. Анна Семеновна подумала-подумала и сказала супругу:

– Коллекция будет выгодней смотреться в отдельном помещении. Да и сохранится она лучше – там можно поддерживать необходимый температурный режим.

Дядя Антон похвалил вторую половину за ум и сделал к особняку пристройку, куда стащил свои сокровища.

Самое любимое занятие папы Каркина (после разведения цветов, разумеется) – это водить экскурсии по «хранилищу», взахлеб повествуя историю каждого «раритета». Через подобное – прямо скажу, нелегкое испытание проходят все приезжающие в дом гости, независимо от того, сколько раз уже они осматривали витрины и стенды.

Милка же в отличие от мамы настроена крайне негативно по отношению к идиотским деревяшкам и кускам камня. На беду, моя подруга суеверна и боится несчастий, которые способны приманить чужие боги.

– Что случилось? – спокойно поинтересовалась я, включая кофемашину.

– Ты обязана мне помочь, – заныла Мила.

В этой фразе вся художница. Не в ее привычках произносить слова «пожалуйста», «будь добра», «сделай одолжение». Нет, она высказывается более чем конкретно – «ты обязана».

– Иначе всем плохо придется! – стенала ничего не подозревавшая о мыслях хозяйки дома Милка.

– Давай ближе к делу, – улыбнулась я и поставила перед подругой чашечку с ароматным кофе.

– Робуста? – подергала носом гостья.

– Нет, арабика, – ответила я.

– Воняет дешевым кофе.

– Покупала дорогой сорт.

– Тебя обманули, всучили дерьмо, смешали зерна! – констатировала Мила. – А ты, как чукча, поверила. Помнишь Степку?

Я отвернулась к окну. Забыла сказать: Милка пять раз выходила замуж, но все ее браки не просуществовали и полгода. Милке на жизненном пути встречались вполне нормальные парни, но они не понимали, по какой причине, придя домой после напряженного трудового дня, должны становиться к плите, чтобы пожарить для просидевшей безвылазно в четырех стенах супруги картошку. Заявления Милки о руках художницы, которыми нельзя ничего держать, кроме кисти и палитры, сначала удивляли представителей сильного пола, потом злили, а затем подвигали на побег. В конце концов Милка, заперев свою квартиру, перебралась под крыло к маме и папе. Кстати, разведясь, она не порывала отношений с экс-мужьями – перезванивается с ними, поздравляет с днем рождения, Новым годом и так далее. Милка хороший друг, и лишь в качестве жены она абсолютно неудобоваримый вариант.

Первый супруг моей бывшей одноклассницы, Степа, был летчиком. Один раз он отправился на Чукотку, где в магазине среди вечной мерзлоты на полках обнаружил мешки с зернами кофе – жуткого дефицита по голодным постсоветским годам.

Степа робко спросил у продавщицы:

– Сколько даете в одни руки? Полкило взвесите?

– Хоть все забирай, – махнула рукой аборигенка. – Только совсем плохой крупа, испорченный. Нам с Большой земли впервые привезли. Что это такое, и не понять – не рис, не гречка, не пшено. И, похоже, оно стухло. Наши брали, пытались суп варить, кашу делать, горько получается, даже с маслом в рот не лезет.

Степан прибыл домой с двумя мешками первосортной арабики и с тех пор рассказывал эту историю всем гостям, ставя джезву на огонь.

– Ты хочешь поговорить о сортах кофе? – прищурилась я.

– Нет, конечно, – слегка обозлилась Милка. – Слушай, случилась беда…

Подруга, художественная натура, принялась рассказывать с присущей ей экспрессией. Милке свойственно гиперболизировать любую ситуацию: маленькая царапина у нее превращается в «разверстую, кровавую рану»; головная боль, самая обычная неприятность, – «режет пилой с огромными зубьями со страшной силой»; громкие голоса слегка подвыпивших соседей принимаются за «ужасающий скандал с мордобоем и пальбой из ракетных установок». Милка не врет, она так воспринимает ситуацию, поэтому все исходящее из ее уст следует смело делить на два, а то и на три.

– Есть такие мерзогадостные Велигжановы, – зачастила Мила, – Кирилл и Филипп, владельцы турбюро. Кирилл страстный коллекционер и постоянно затевает обмены с папой. Я его не знаю, но наслышана о нем. Так вот, Кирилл Велигжанов продал папе жутчайшую вещь! Ужасную! Опасную! Отвратительную!

– Колчан с отравленными стрелами? – предположила я.

– Хуже!

– Засушенную человеческую голову?

– Ой, фу! Нет, намного гаже!

– Что тогда? – заинтересовалась я.

На мой взгляд, маленькая, сморщенная, пугающе натуральная голова, которую дядя Антон приволок из Африки, наимерзейшее пополнение его коллекции. Когда ботаник продемонстрировал мне экспонат, я, забыв о приличиях, скачками понеслась в туалет. Даже быстрый шепоток тети Ани: «Вилочка, не переживай, Антошу снова надули, головенка ненастоящая, сувенир, умело изготовленный для туристов. Я ее изучила – глаза пластмассовые, а кожа совсем не человеческая» – не помог. Весь съеденный ужин оказался в унитазе, и я поклялась никогда не входить в музей Каркина, пока там экспонируется сей непотребный сувенирчик.

– Крокодил! – вытаращила глаза Милка.

– Живой? – подпрыгнула я.

– Нет! Дохлый!

– Господи, зачем Антону труп?

– Это не труп!

– Аллигатор все же живой? – вновь подпрыгнула я.

– Сказала ведь, умерший.

– Значит, труп.

– Нет, – упорно твердила Милка.

– Послушай, так не бывает, – решила я воззвать к логике, которая есть у каждого, пусть даже в небольшом объеме у таких творческих натур как Милка. – Любое существо либо живо, либо отъехало в мир иной, среднего состояния не случается!

– А кома? – азартно воскликнула Милка. – Вспомни Юрку!

Я вздохнула. Последний муж Милы, тихий, безобидный математик Юра, заболел гриппом и впал в бессознательное состояние. Юрий пролежал почти три месяца, а затем умер.

– Кома и есть среднее состояние, – вещала Милка, – ни туда, ни сюда, застрял между жизнью и смертью!

Я вцепилась пальцами в край стола.

– Хочешь сказать, что Антон купил для своей коллекции водное пресмыкающееся, пребывающее в коме?

– Вилка, ты дура!

– А какой еще вывод следует сделать из твоих слов? – обиделась я.

– Папа приобрел чучело!

– Так ведь оно не живое…

– Дослушай до конца! – взвилась подруга.

– Так говори же! Только четко, внятно, понятно, – рассердилась я. – Сообщай лишь факты, а не свои домыслы.

– Жизнь с Олегом наложила на тебя отпечаток, – не удержалась от замечания Милка, – рассуждаешь, как следователь.

Я встала и пошла к двери.

– Эй, ты куда? – забеспокоилась подруга.

– Извини, мне пора работать.

– А как же я?

– Отправляйся домой.

– Но мне нужна помощь!

– Увы, рукопись скоро сдавать.

– Вот ты какая… – заныла Милка, – бросаешь подругу в беде…

– Сама виновата, говоришь глупости. Надо же, живое чучело!

Милка вскочила, подбежала ко мне, обняла за плечи и зловеще прошептала:

– Вилка, оно зомби!

– Кто?

– Чучело!

Приступ смеха подкатил к горлу, вся злость на наглую Милку испарилась в одну секунду.

– Да ну? – сдерживая хохот, спросила я. – Крокодил-зомби? Это супер. И чем он занимается? Охраняет дом? Это же здорово, можно сэкономить на сторожах.

– Он перемещается по дому, – все так же трагически, но с легкой ноткой обиды возразила Милка.

– Постоянно?

– Ну… раз в три дня примерно. Стоял в гостиной на рояле, потом очутился на полке в библиотеке.

– Тебе не пришло в голову, что чучело переносят люди?

– Нет!

– Почему? Это естественно. Домработница стирала пыль, или тетя Аня села постучать по клавишам и убрала урода, чтобы не стошнило при виде красавчика.

– Лариска, горничная, его и пальцем не тронет, а мама боится Роберто до инфаркта.

– Кого?

– Роберто.

– У вас гости?

– С тобой невозможно общаться! – взвыла Милка. – О ком я сейчас веду речь?

– О чучеле в коме.

– Верно. Его зовут Роберто.

– Очень мило, – кивнула я, – красивое имя, вполне подходит для аллигатора из хорошей семьи, волею злого рока ставшего зомби.

– У меня беда, – вдруг тихо и совершенно нормально сказала Милка. – К кому с ней идти? Только к лучшей подруге. А ты издеваешься.

Мне стало стыдно.

– Извини, Милка, рассказывай, я вся внимание.

Глава 3

Месяц тому назад Антон Петрович, таинственно улыбаясь, сказал жене и дочери:

– Приобрел такое…

– Только не показывай! – хором ответили домашние.

Глава семьи хмыкнул, раскрыл мешок и водрузил на стол чучело крокодиленка, примерно сантиметров семьдесят в высоту. Тело несчастного водного пресмыкающегося было поставлено на задние лапы, передние торчали вперед, довольно массивный хвост служил подпоркой, а пасть с мелкими зубами щерилась в злой улыбке.

– Мамочки! – взвизгнула Милка. – Какая мерзость!

Тетя Аня с укоризной глянула на дочь и, многозначительно кашлянув, сказала:

– Папочка, а он из чего сделан?

– Из дерева, – усмехнулся дядя Антон.

– Да? – хором изумились дамы и замолчали. Потом тетя Аня с восторженным видом добавила:

– А выглядит словно живой. Все-таки африканцы очень талантливы… Как они вырезали все эти чешуйки на коже? Так натурально раскрасили и даже шрам на животе выполнили, словно тушку выпотрошили… Как думаешь, Милочка, это ручная резьба или машинная?

Художница доверчиво протянула руку и безбоязненно коснулась туловища крокодильчика. И немедленно завопила:

– Мама! Он не из полена!

– Конечно, нет, – пожал плечами дядя Антон. – Это подлинный крокодиленок. Я пошутил насчет дерева.

Милка схватила со стола салфетку и принялась брезгливо вытирать пальцы.

– Давно такого хотел, – начал весело вещать папа, – но все не попадался нужный экземпляр.

– На базарах подобной ерунды полно, – выпала на секунду из роли жены, постоянно восхищающейся мужем, тетя Аня, – да и незачем далеко кататься, такую дрянь можно и в Москве купить.

Дядя Антон насупился.

– Неправда. Хотя некоторый смысл в твоем резком замечании есть – псевдототемами завалены лавки, но я мечтал о подлинном. Обратите внимание, он очень искусно сделан, все коготки целы, зубы, глаза. Стоит в священной позе, имеет правильный рост, и, что самое главное, он носит имя – его нарекли во время специальной процедуры, и поэтому крокодильчик охраняет покой племени. Заполучить тотем мечтают не только частные коллекционеры, но и крупные музеи. Мне очень повезло. К тому же я приобрел Роберто почти даром.

– Его так зовут? – с некоторой опаской осведомилась тетя Аня.

– На самом деле имя звучит по-иному, – признался муж, – нам его и не выговорить, но Кирюша сказал, что можно звать тотем Роберто, он не обидится.

– Какой Кирюша? – насторожилась жена.

– Велигжанов, – спокойно ответил дядя Антон.

– А он тут при чем?

– Кирилл и продал тотем, – объяснил супруг. – Милый юноша! Он знает о моей коллекции, вот и решил обрадовать, попросил копейки.

Едва Милка услышала эти слова, как сразу поняла, что дело нечисто. Владельцы турбюро Велигжановы жадны, словно скупые рыцари, их нежелание тратить деньги даже на собственную одежду – предмет сплетен и пересудов среди знакомых. Чтобы Кирилл, знающий об устойчивом материальном положении Каркина и великолепно осведомленный о том, сколько Антон Петрович способен выложить, дабы заполучить новый экспонат для своей коллекции, не воспользовался ситуацией и не нагрел жадные лапы? Да быть такого не может!

Очевидно, тетя Аня подумала то же самое, потому что спросила:

– И сколько же стоил Роберто?

– Двести, – коротко рубанул дядя Антон.

– Долларов или евро? – решила уточнить супруга.

– Рублей! – гордо заявил муж.

Милке стало совсем нехорошо, и она вознамерилась изучить проблему детально.

– Папочка, почему так дешево?

– Тотем нельзя продавать, – пустился в объяснения дядя Антон, – две сотни Кирюша взял за такси, на котором Роберто везли от аэропорта.

– Видела не так давно подобное чудище в витрине магазина сувениров, – задумчиво протянула тетя Аня, – как сейчас помню, на лапе болталась табличка «7000 рублей». А тот крокодильчик был совсем маленьким, без зубов, помятый уродец.

– Говорил же, получил классную штуку, – приободрился дядя Антон и водрузил крокодильчика на рояль.

– Лучше отнеси его в музей, – предложила жена.

– Тотем должен жить в доме, – пояснил муж, – иначе мстить начнет. Он обидчивый!

Милка, чуть не потерявшая после последнего папиного заявления сознание, пошла в библиотеку, нашла нужную книгу и тщательно изучила ее. Полученная информация совершенно не обрадовала.

Ряд африканских диких и воинственных племен считает своим покровителем крокодила. Из рода в род они передают тотем, чучело, сделанное особым образом. Мумии несколько сотен лет, но она выглядит абсолютно новой и замечательно сохранившейся. Талисман имеет имя, которое неизвестно никому, кроме верховного жреца. Фокус состоит в том, что священнослужитель обязан

вручить тотем любому человеку, который сумеет правильно наименовать трупик животного. Если тот местный житель, то он сам становится жрецом, а его предшественник обязан покончить жизнь самоубийством. Это самый лучший вариант для племени, тотем остается жить в специальной хижине, и в судьбе племени не происходит никаких радикальных изменений. Известны случаи, когда жрецы, устав от исполнения обязанностей, выбирали из мужчин сообщества самого достойного и открывали ему тайну имени специально для того, чтобы спокойно уйти на тот свет. Маленькая деталь – тотем дарит своему главному служителю бессмертие, а жить вечно хочется далеко не всем, в особенности в глубокой старости, когда терзают болезни, вечной же молодости крокодильчик не дарует.

Но если имя тотема становится известно чужаку, в особенности белому человеку, тут жди беды. Коллекционеры, которые охотятся за такими «сувенирами», увезут родовой амулет в свою страну, и племя неминуемо начнет вымирать от болезней. А предмет культа, обиженный на то, что его лишили родины, примется мстить наглому похитителю, и на семью собирателя посыплются несчастья, а когда умрет последний родственник опрометчивого искателя редкостей, крокодильчик распадется в прах. Тотем лишь выглядит трупом, на самом деле он живой, внутри высушенного тела обитает душа, потому амулет и способен передвигаться и убивать. Каким образом мумия уничтожает обидчиков, в энциклопедии не написали. Зато там указали на возможность избавления от кары: талисман можно передать другому человеку, тогда беды прольются дождем на чужую голову. Маленькая деталь: если вы по наивности приобрели прибамбас за деньги, то отдать его надо дешевле, попытаетесь нажиться на высушенном ужасе – получите худшие неприятности.

Уговорить папу вынести крокодильчика вон Милке не удалось. Роберто остался в доме и… уже начал перемещения по нему. Мама несколько раз ругала горничную Ларису за то, что та переставляет мумию, а девушка вместо того, чтобы пообещать хозяйке более не совершать глупых действий, испуганно твердила:

– Так и не трогала его! Боюсь очень! Противно и прикоснуться!

– Кто же таскает Роберто? – недоумевала Анна Семеновна, выслушав в очередной раз всхлипывания Ларисы.

– Он сам ходит, – обморочным голосом прошептала Лара. – Сама видела.

– Что? – невесть почему тоже понизила голос хозяйка.

– Ночью! – теперь уже заголосила Лариса. – Вышла в туалет, а он плывет по воздуху, в коридоре! Чуть ума не лишилась! Стою дура дурой, а Роберто замер и как засвистит: «Уходи, Лариса, тебя не трону, а остальных убью». Ой, мамочка, ой-ой-ой!

– Завтра же отправляйся к невропатологу, – пришла в себя хозяйка. – И прекрати смотреть перед сном ужастики!

Лариса, рыдая во весь голос, убежала, а Милка ринулась ко мне.

– Замечательная история, – закивала я. – В особенности впечатляет эпизод с плывущим по воздуху крокодилом, который потом беседует с Ларисой. Однако Роберто благороден – пообещал простой, находящейся в услужении девушке свое покровительство. Право, он хорошо воспитан. И ведь Лара не негритянка! Молодец Роберто!

– Вилка, помоги, – опять заныла Мила.

– Чем?

– Съезди к Велигжановым.

– Зачем?

– Расспроси про Роберто. Ну, о том, где они его взяли.

– Глупая затея.

– Это моя просьба! – взвизгнула Милка.

Следовало бы мирно поинтересоваться: «А что, все твои просьбы являются приказом?» Но я не полезла в бутылку, а попыталась избавиться от навязываемого приключения мирным путем:

– Совершенно не знакома с владельцами турбюро. Назови хоть одну причину, по которой они захотят беседовать со странной теткой, которая заявится с тупыми расспросами? Лучше обратись к другому человеку, поищи общих знакомых с братьями, думаю, без труда обнаружишь десяток людей.

– Все продумала! – затараторила Милка. – Здесь нужна именно ты – известная всей стране великая писательница.

Я уже говорила, что Милка обожает преувеличивать, «великой» она называет меня с момента выхода первой книжки, причем это не издевательство или насмешка, Милка на самом деле уверена в гениальности бывшей одноклассницы. При всей своей лени, избалованности и капризности Мила добра и любит окружающих. Мне, конечно, следовало пропустить слишком щедрый эпитет над головой, но я по совершенно непонятной причине заулыбалась и закивала:

– Продолжай, Милочка…

– По твоим книгам снимают сериал, лучший из ныне демонстрируемых, с потрясными актерами! Страна сидит у экрана!

– Говори дальше…

– Вот я и подумала: ты позвонишь Кириллу и скажешь, что для производства киноленты нужно чучело… – начала излагать свой план подруга.

Я все кивала головой. В конце концов, в словах Милки имеется рациональное зерно. Слишком суеверная художница лишилась из-за дурацкой мумии сна и аппетита, тетя Аня тоже начала дергаться. Мне и впрямь надо потолковать с Велигжановым, а потом со спокойной совестью сказать Миле: «Полнейшая чушь! Крокодил самый обычный сувенир».

– Ты согласна? – заликовала Милка.

– Да, – решительно ответила я, – сейчас оденусь.

– Отлично! – обрадовалась подруга. – Собирайся, а я пока кофейку глотну.

Я пошла в свою спальню и вдруг остановилась. О чем думала в тот момент, когда Милка позвонила в дверь? Собирала облитое кофе испорченное постельное белье и размышляла на тему, стоит ли сообщать мужу о цене очередного приобретения. Но ведь не только женщины прячут правду о покупках, многие мужчины ведут себя точно так же. Скажите, вас обрадует известие о том, что супруг истратил деньги, собираемые для покупки телевизора, на удочку? Вы и не предполагаете, сколько стоит современный навороченный спиннинг! Ну и не грузите мозг, лучше поверьте сообщению своей второй половины, что дурацкая палка с крючком приобретена им за пятьдесят рублей.

Вот и дядя Антон, великолепно зная о том, как подсмеиваются над его «раритетами» домашние, наверняка не захотел озвучить истинную цену крокодила и наврал про жалкие две сотни. Нет, мне определенно надо побеседовать с Кириллом.

Может, Милка права, называя меня суперпопулярной писательницей, или Велигжанов фанат сериала «Кекс в большом городе»? Едва услышав мою фамилию, Кирилл радостно закурлыкал:

– Рад! Очень рад! Крайне рад! Сделаю все, что пожелаете! Хотите, прямо сейчас приеду? В любое место.

– Лучше я сама, как раз сейчас я недалеко от вашего офиса, – лихо соврала я. – Только подскажите адрес турбюро. – И немедленно, едва глупая фраза слетела с языка, обозлилась на себя. Если не знаю названия улицы, на которой находится контора, то как могла сообщить о том, что нахожусь возле нее?

Но Кирилл не обратил внимания на мою оплошность.

– Записывайте, – пробасил он, – район «Сокол»…

Я обрадовалась – совсем недалеко от шоссе, по которому предстоит ехать в Москву.

– Я отправлюсь с тобой! – запрыгала Милка.

– Лучше мне побеседовать с Велигжановым тет-а-тет, – возразила я.

– Хочу послушать! – уперлась Милка. – И потом, звезда не разгуливает в одиночестве, это не комильфо. Возле популярного человека всегда свита. Неужели у тебя нет пресс-секретаря?

– Нет, – ответила я чистую правду.

– Значит, исполню его роль, – закивала Милка.

– А вдруг Кирилл тебя узнает? – попыталась я избавиться от назойливой Каркиной. – Тогда непременно удивится присутствию дочери Антона Петровича, заподозрит нехорошее и не пожелает откровенничать.

– Мы с ним никогда не встречались, – беспечно отмахнулась Милка. – А если спросит: «Простите, не дочь ли вы Каркина?», живо отвечу: «Боже, как надоело! Вы уже сотый, кто это спрашивает! Нет! Просто очень похожи!»

Я сдалась, мы сели в машины и цугом покатили в нужном направлении.

Турбюро с романтичным названием «Рай на земле» находилось в высотном здании современной постройки. Первым, на что упал мой взор при входе в холл, было объявление, написанное ярко-красными буквами на листе ватмана: «Внимание! В период с 5.09 по 30.11 на нашем здании будут производиться фасадные работы методом промышленного альпинизма. Убедительное требование: веревки рабочим не резать!!! И другими способами их деятельности не препятствовать!!! Женщины, не переодевайтесь у окон. Администрация»[3 - Объявление подлинное, лично видела его в одной конторе. Прим. автора.].

Милка захихикала.

– Интересно, сколько несчастных альпинистов шлепнулось вниз от вида обнаженных жутких прелестей секретарш и менеджеров?

– Боюсь, в основном альпинисты пали жертвами перерезанных веревок, – отозвалась я.

– Вы куда? – вежливо спросил охранник, преграждавший подход к лифтам.

– В «Рай на земле», – хором ответили мы.

– Вот, возьмите инструкцию, – заботливо сказал мужчина в форме.

– Какую? – удивилась я.

– По проходу к необходимой точке посещения, – ласково объяснил секьюрити. – Иначе запутаетесь, у нас тут натуральный лабиринт для Квазимодо!

Сообразив, что милый дядечка перепутал мифического древнегреческого зверя Минотавра с одним из героев романа Виктора Гюго, я взяла бумажку и начала изучать ее. «Поднимитесь на десятый этаж. Поверните направо, отсчитайте шесть дверей и идите налево. В конце коридора сядьте в другой лифт и спуститесь на восьмой этаж. Пройдите длинный коридор и поднимитесь пешком на девятый. Откройте дверь с табличкой «Посторонним вход запрещен», поверните направо, налево, направо, налево, направо. В конце коридора обнаружите железную створку с табличкой «Рай на земле», откройте ее, поверните направо, налево, направо, налево, налево, налево, затем идите прямо. Мы рады вас видеть. Внимание! В офисе запрещено курить, окурки можно выбросить в окно при подходе ко второму лифту».

– Интересно, сумеем ли найти дорогу назад? – воскликнула я, ошеломленная инструкцией.

– Это просто, – успокоил охранник. – Вы бумажечку-то не потеряйте, а когда выйдете из турбюро, просто прочтите ее наоборот, вот и выйдете.

Ответ был гениален. Мы с Милкой, тщательно сверясь с текстом, углубились в дебри помещения и, что странно, достаточно быстро достигли цели.

Глава 4

Узнав о моем желании получить необходимый атрибут для съемок, Кирилл стал неожиданно серьезен. Но встретил чуть ли не с распростертыми объятиями.

– Милая Арина, – ажиотированно заговорил он, – вы не понимаете, какую ценность представляете для меня! Просто обожаю вас! Давно мечтал увидеть лично, обнять, расцеловать!

Я глупо захихикала – всегда начинаю совершенно по-идиотски вести себя, сталкиваясь с фанатами. Ну что отвечать человеку, который выказывает неумеренный восторг? Сказать: «Спасибо, я тоже люблю вас» – или, гордо кивнув, заявить: «Вы правы, пишу замечательные книги»? Впрочем, подобная ситуация редкость, пока еще, к моей радости, по улицам не ходят стада обожателей Арины Виоловой.

– Она замужем, – подала голос Милка.

Я покосилась на подругу. Ну, молодец, выступила! Более идиотского замечания и представить трудно.

– Я тоже женат, – закивал Кирилл, – потому еще больше рад знакомству. Сам, уж простите, не знаком с вашим творчеством, давно читаю лишь служебные бумаги, а вот теща… Боже мой, она садится у экрана и смотрит ваш сериал безотрывно, и в доме наступает час тишины. Такое счастье! Но это не все! Когда фильм заканчивается, Ада Марковна берет книгу – ей интересно прочитать первоисточник – и снова молчит. Сколько в нашей стране таких, как Ада Марковна, и сколько зятьев благодаря вам получают передышку? Вы, главное, пишите!

– Очень постараюсь, – пообещала я, – но давайте о крокодиле. Продюсер давно ищет чучело для съемок. Он случайно узнал, будто вы обладаете неким… э… Роберто и готов…

– Тсс, – зашептал Кирилл, нервно оглядываясь. – Конечно, его уже тут нет, но вдруг услышит!

– Кто? – не поняла я.

– Роберто, – ответил хозяин. – И вообще лучше вам о нем ничего не знать. Арина, милая, ни в коем случае не общайтесь со зверем, мне дороги ваши здоровье и безопасность! Не дай бог… чего… и тогда Ада Марковна лишится ваших новых книг и фильмов, а я останусь без минут покоя.

Милка задрожала и вжалась в диван. Я постаралась казаться веселой и спросила:

– Уж не верите ли вы в чушь относительно мстительности тотема?

– Да, – одними губами ответил Кирилл. – Умоляю, даже не приближайтесь к нему! А если увидите, мгновенно зажмурьтесь и произнесите заклинание: «Не на меня упади, другого порази, люблю Роберто, он хороший».

– Бред, – пожала я плечами.

– Нет, – замотал головой Кирилл, – поверьте, нет. Оставьте дурацкую затею. Зачем вам настоящий тотем? Пусть декоратор сделает имитацию.

– Понимаете, режиссер сериала – человек с большими странностями, – ловко нашла я нужный аргумент. – И вот взбрело ему в голову: крокодил непременно должен быть настоящим, это принесет огромный успех.

Кирилл вскочил и забегал по кабинету.

– Это принесет не огромный успех, а огромную беду. Ладно, хоть и боюсь показаться идиотом, расскажу вам историю.

– Вся внимание, – улыбнулась я.

Полгода тому назад брат Кирилла, Филипп, отправился в Африку – проверять новый маршрут для туристов. Домой он вернулся с чучелом крокодила, которое торжественно установил на стойке рецепшен.

На вопрос Кирилла: «Зачем нам сушеная пакость?» Филипп ответил:

– Это Роберто, мне его за тысячу местных рублей продал хозяин гостиницы, где я останавливался. Сказал, что крокодильчик приносит счастье.

Кирилл не стал спорить с братом, хотя мумия чрезвычайно ему не понравилась. От нее исходило нечто необъяснимо неприятное, черное, душное. Затем начались странности.

Как-то раз, придя на работу, Кирилл обнаружил Роберто на своем столе и с гневом заявил секретарше:

– Что за ерунда? Я не просил его вносить в кабинет!

– Я не трогала Роберто! – воскликнула девушка. – Наверное, уборщица чучело переставила.

– Объясни ей, что моя рабочая комната не кладовка, – разозлился Кирилл.

– Да, да, – закивала секретарша, – извините, более не повторится.

Но через десять дней нагло скалившийся крокодил вновь очутился на столе Велигжанова.

Кирилл обозлился не на шутку и велел уволить уборщицу. Тетка покинула фирму, однако Роберто продолжил перемещения по офису. Кирилл злился, но не мог же он вышвырнуть вон вещь, которую нежно полюбил Филипп!

Затем косяком пошли неприятности, сначала мелкие, но ощутимые, словно укусы наглых комаров. Во-первых, подвели партнеры в Греции, и группа, отправленная на один из островов, осталась без гостиницы. Произошло это не по вине сотрудников фирмы «Рай на земле», но ведь обозленным отдыхающим не важно, кто именно виноват в том, что начало их отдыха испорчено. Люди заплатили за путевки и желали спокойно купаться в море, а не таскаться с чемоданами, ожидая, пока Кирилл с Филиппом разрулят ситуацию. На беду среди туристов оказался корреспондент одной из столичных газет, и уж он, вернувшись домой, не пожалел красок, чтобы очернить турагентство. Не успели Велигжановы пережить один конфуз, как случился другой: в офисе завелся вор, который лазил по сумкам сотрудников и посетителей. А через две недели после

поимки нечистого на руку парня Филипп сломал ногу и надолго загремел в больницу.

Кирилл сцепил зубы, подумав, что рано или поздно беды закончатся. И тут произошла новая незадача. Спустя десять дней после того, как Филиппа заковали в гипс, в агентство приехал милейший пожилой дядечка, профессор Павел Серафимович Онопко. Доктор наук хотел посетить Мексику, мечтал осмотреть штат Юкатан. Кирилл лично занимался VIP-клиентом, и некоторое время мужчины обсуждали детали предстоящего путешествия. Вдруг Павел Серафимович замолчал, а затем с хорошо слышимым в голосе страхом воскликнул:

– Это что?

Кирилл проследил за рукой ученого и нехотя ответил:

– Чучело крокодила, брат привез в качестве сувенира. Просто заколдованная какая-то мумия! У меня такое ощущение, что она ходит по офису. Вечером маячит на рецепшен, а утром, бац, тут уже, в кабинете. Вот как он сейчас на полке оказался? Ума не приложу!

– Спасибо, – резко оборвал Кирилла Онопко, – мне пора!

– А как же поездка? – удивился хозяин агентства. – Мы еще не все детали обсудили.

– Я передумал отправляться в Мексику! – рявкнул Павел Серафимович. – Пошли, Аллочка!

Приятная молодая дама, сопровождавшая профессора, встала, и пара живо покинула помещение.

На следующее утро Аллочка вновь вошла в кабинет к Велигжанову.

– Не сочтите меня за сумасшедшую, – промямлила она, – но я решила, что лучше будет сказать вам правду.

– Внимательно слушаю, – заулыбался Кирилл.

Аллочка, покраснев, начала излагать историю. Чем дольше Кирилл слушал спокойную речь женщины, тем гаже у него становилось на душе. Оправдывались наихудшие его опасения! Павел Серафимович Онопко историк, всю жизнь изучает религиозные верования. Особенно хорошо профессор знает африканские страны. Аллочка, его жена, а в недавнем прошлом аспирантка, тоже владеет информацией о жрецах.

– Крокодил страшная вещь, – объясняла Алла, – это родовой тотем. Его могли продать европейцу лишь с одной целью – чтобы погубить конкретное племя. Ваш Роберто способен передвигаться, и он не успокоится, пока не убьет всех, кого считает своими врагами, то есть вас с братом и сотрудников фирмы. Немедленно избавьтесь от зомби.

– Сейчас же вынесу его на помойку! – вскочил на ноги Кирилл.

– Ой, нельзя! – испугалась Аллочка. – Роберто можно лишь продать. Причем за цену меньшую, чем та, которую заплатил Филипп. Найдите кого-нибудь и всучите ему крокодила…

– И ты, сволочь, впарил треклятую мумию Антону Каркину! – завопила вдруг Милка.

– А вы откуда знаете? – оторопел Кирилл.

Я пнула подругу ногой и осведомилась:

– Разве это не правда?

– Ну, – замел хвостом Кирилл, – Антон Петрович Каркин сам попросил крокодила, и я его отдал.

– Мерзавец! – подскочила Милка.

Кирилл хмыкнул.

– А вы бы оставили у себя чучело после всего случившегося?

– Следовало рассказать Антону Петровичу историю монстра, – шипела Милка.

– Постойте, никак не врублюсь. Вы пришли просить у меня Роберто для съемок в сериале, так? – спросил Кирилл.

– Да, – живо ответила я.

– А сейчас ваш пресс-секретарь говорит о Каркине, следовательно, вы знали, где находится крокодил. Зачем тогда я вам понадобился?

– Ну… – забубнила я, – это… она в курсе, моя секретарша. А мне рассказать забыла. Накладочка вышла! Ха-ха-ха! Нам пора, дико торопимся, убегаем, прощайте, рады были познакомиться… Пока-пока!

Продолжая мотать языком, я схватила пунцовую от злости Милку за руку и потащила ее к выходу. Обратный путь по зданию мы проделали в молчании. К счастью, сохраненная бумажка-«путеводитель», прочитанная наоборот, от конца к началу, помогла проделать его без приключений. Очутившись на улице, Каркина первым делом выругалась:

– Подонок!

– Он избавлялся от предмета, приносящего несчастье… – протянула я. – Милка, неужели ты веришь в эту чушь?

– Куда деть крокодила? – задергалась подруга.

– Выкинуть.

– Ты же слышала! – взвыла Милка. – Это невозможно: вернется и еще хуже гадить начнет!

– Ерунда. Вышвырни пакость на помойку.

– Ой, боюсь!

– Тогда продай.

– Кому?

– Ну… не знаю. Сдай в антикварную лавку, поставь цену в сто пятьдесят рублей, мигом заберут.

– Совесть замучает, я же буду знать, что кому-то горе доставила, – зашептала Милка.

– Выбрось его, – повторила я.

– Придумай другой вариант!

– А его нет. Либо продать, либо выкинуть. Ну, еще можно оставить у себя.

– У нас уже пошли неприятности, – всхлипнула Милка. – Мама упала и сильно ушибла коленку, Лариску оса укусила, а еще таможня задержала партию растений. Всегда спокойно пропускали, а тут уперлись, мол, какие-то справки неверно оформлены. Папа в бешенстве, таможенники за экзотами не ухаживают, и они могут погибнуть. У отца вчера сердце заболело, очень сильно, даже хотели «Скорую» вызывать.

– Послушай, Милка, – попыталась я вразумить подругу, – все россказни про мстительный, ужасный и страшный тотем – самая настоящая белиберда. При помощи подобных сказочек жрецы держат в повиновении членов племени. Охотно верю, что несчастные, малообразованные дикари способны умереть, прикоснувшись к чучелу. Понимаешь, они с младенчества уверены: тотем всемогущ, и, в сущности, сами убивают себя. Если человеку планомерно внушать, что яблоко ядовито, то он способен умереть, отведав румяный плод. Все дело в психологии. Пойми, чучело не может навредить. Это нонсенс!

– Я его боюсь, – защелкала зубами в ознобе Милка.

– А я нет! Поехали!

– Куда? – изумилась Милка.

– К вам. Лично отнесу урода на помойку.

Милка бросилась мне на шею.

– Вилка, спасибо! Ты не боишься?

– Нет. Абсолютно.

– Боже, какая ты смелая! – завздыхала Милка.

– Скорее, умная, – ответила я и влезла в джип.

В доме у Милки не оказалось ни одной живой души, даже домработница Лариса куда-то испарилась.

– Вот и замечательно, – решительно заявила я. – Где монстр?

– Не знаю, – прошептала Милка.

– Эй, приди в себя! – встряхнула я подругу. – В каком месте обычно стоит чудище?

– Сегодня утром видела его в библиотеке, – затряслась Милка. – Ой, мне холодно, плохо, ноги судорогой сводит.

– Иди, завари чай и открой бутылку коньяка, – приказала я, – сейчас все закончится.

– А что сказать папе? – слабым, умирающим голосочком проблеяла подруга.

– Ничего, – бодро воскликнула я.

– Он станет искать Роберто, бегать по дому, нервничать…

– Останусь с тобой до возвращения Антона Петровича, – пообещала я, – и расскажу, что видела, как через окно прилетела птица Рух и украла крокодила – унесла его в пасти, то есть в клюве. И сейчас они, небось, уже в Египте находятся.

Слабое подобие улыбки промелькнуло по лицу Милки.

– Папа не поверит.

– Если принял всерьез рассказ о Роберто, то и птицу Рух преспокойно сочтет существующей, – хихикнула я. – Хватит спорить. Готовь чай, а мне предоставь заняться чучелом.

Роберто обнаружился на столике около большой лампы с оранжевым абажуром. Я вытянула вперед правую руку и тут же опустила ее. Чучело произвело на меня неприятное впечатление. Меня по непонятной причине охватил страх, колени мелко-мелко затряслись, по спине потек пот, а затылок закололо, будто в голову впилось множество мелких, острых иголок. Огромным усилием воли я погасила панику и схватила тотем. Пальцы ощутили нечто гладкое – мумия, наверное, была покрыта лаком.

«Спокойно, Вилка, спокойно», – стала я повторять себе под нос, медленно спускаясь со второго этажа на первый. Чучело я держала в вытянутой руке, как можно дальше от себя.

Не успели ноги ступить на паркет холла, как во всем доме погас свет. Я очутилась в кромешной темноте, стоя в предбанничке перед выходом в прихожую. В небольшом пространстве нет окон, здесь всегда горит лампа, и вот электричества нет, мрак подступил со всех сторон…

Мне стало жутко. Очень захотелось швырнуть Роберто на пол и, заорав от страха, ринуться на кухню, где Милка готовила чай. Лишь понимание того, что поступлю абсолютно по-идиотски, помогло справиться с приступом паники.

– Эй, Вилка, – закричала Мила, – ты где?

– В маленьком холле, у выхода, – хриплым голосом ответила я.

– Стой на месте, – велела подруга, – а то еще ушибешься. Сейчас аварийный генератор заработает, он минут через пять после обесточивания общей сети включается. Не волнуйся.

Я кивнула, постаралась еще подальше вытянуть руку с Роберто и услышала тихий скрип – кто-то осторожно открывал тяжелую дубовую створку, ведущую из крохотного холла в прихожую. Этот некто напряженно сопел и вроде как чавкал. Страх превратился в ужас, я лишилась дара речи и потеряла способность двигаться. Тело окаменело, рука с Роберто на весу застыла. Наверное, следовало развернуться и нестись в кухню, но я словно приклеилась к полу, а в голове осталась только одна мысль: «Мы с Милкой в доме вдвоем, кто же сейчас кряхтит в передней?»

И тут резко вспыхнул слишком яркий свет. На секунду я ослепла, потом различила худую фигуру монаха в темной рясе с капюшоном и заорала:

– А-а-а-а!

Рука с Роберто так и не сумела опуститься, чучело оказалось на уровне лица священнослужителя. Францисканец – а судя по одежде, монах был именно францисканцем – громко всхлипнул, попытался прикрыть голову ладонями и рухнул на пол, ударившись о батарею.

Глава 5

Спустя час в доме было полно народа, и я наконец-то сумела понять, что произошло.

У Каркиных имеется баня, вход туда расположен в прихожей, у парадной двери. Немного неудобно, но так уж получилось. Если кто-то из гостей или членов семьи желает попариться, он пересекает небольшое пространство с вешалками и оказывается в просторной комнате с джакузи. Это одновременно и раздевалка, сама парная чуть дальше по коридору. В тот момент, когда мы с Милкой вошли в

дом, Антон Петрович наслаждался в баньке и, естественно, не слышал ни наших шагов, ни голосов. Мы же прошли внутрь здания и решили, что в доме никого нет. Милка не скумекала, что папа отправился париться, а я и вовсе забыла о бане, поплелась в библиотеку, схватила Роберто, добежала до холла, и тут погас свет.

Антон Петрович, естественно, заметил непорядок с электричеством. Он хорошо знал, что через пять минут включится аварийный генератор, и тем не менее быстро вышел из парилки, накинул длинный халат с капюшоном и поторопился в дом. Зачем? У Каркиных в котельне имеется газовый котел, который греет батареи и воду для мытья. Если в поселке беда с энергоснабжением, специальное устройство мгновенно перекрывает подачу газа в дом, сделано это в целях безопасности. Спустя пять минут свет появится, а вот газ нет. Чтобы он вновь потек в котел, необходимо нажать на кнопку на специальном пульте. Если не произвести это простое действие, спустя некоторое время в доме остынут батареи, а из кранов польется лишь холодная вода. Вот Антон Петрович и поторопился навести порядок – полагая, что он один дома, пошел в котельную.

Что же увидел несчастный ботаник, когда вспыхнула электрическая лампа? Кстати, в прихожей тоже нет окон, и Антон Петрович пару минут провел в темноте, пытаясь нашарить ручку двери, ведущей в жилую часть дома. И какое зрелище предстало перед бизнесменом, когда загорелся свет? Крокодил Роберто, словно парящий в воздухе прямо перед его лицом.

Было от чего испугаться! Антон Петрович великолепно знал, что чучело мирно стоит в библиотеке, а дома никого нет. И тут из темноты словно выпрыгивает морда с мелкими зубами и раздается вопль:

– А-а-а-а!

Вопль был мой – я приняла Каркина за монаха и чуть не лишилась чувств. Антон Петрович, наверное, тоже ужаснулся. Я говорю «наверное», потому что точно ничего сказать нельзя: у Каркина случился инфаркт, и его спешно увезли в больницу.

Сказать, что я ощущала себя виноватой, это не сказать ничего. Милка держалась мужественно. Она мгновенно примчалась на мой крик, выдернула из оцепеневшей руки чучело, преодолев свой страх перед Роберто, вышвырнула

крокодила за порог, вызвала к отцу врача и отвела меня в гостиную. Тут вернулась тетя Аня и кинулась к мужу. Одновременно, неспешным шагом, притащилась местная охрана. Оказывается, Милка, услыхав мой вопль, а затем звук упавшего тела, успела нажать на «тревожную кнопку».

Около четырех часов я, кое-как придя в себя, вышла из особняка Каркиных и двинулась к машине. Путь лежал мимо розовых кустов, один из которых оказался безжалостно помят. Невесть почему я притормозила, глянула в середину колючих ветвей и чуть было снова не заорала.

Внутри растения висел Роберто, выброшенный Милкой. Я оглянулась, потом вытащила монстра, донесла его до помойки и с огромным чувством радости закинула тотем в железный короб, стоящий возле черного входа в дом, и ушла (забыв, правда, прикрыть крышку контейнера). Прощай, отвратительный сувенир, хватит нам принесенных тобой неприятностей!

Дома я быстро вымылась под душем и села к столу. Так как же мне начать книгу? И о чем она будет? В голове нет ни одной достойной мысли! Впрочем, если посидеть в тишине и покое, то очень скоро…

– Блям, блям… – ожил звонок.

Я вскочила и побежала к двери. Но сейчас перед тем, как отпереть замок, внимательно изучила экран домофона. На ступеньках маячил комендант поселка.

– Счет за электричество, – заулыбался он, вручая бланк.

Я взяла бумажку и поднялась к себе. Итак, на какой фразе писательница Арина Виолова остановилась? А ни на какой! На столе белел непорочно чистый лист бумаги. Чтобы придать ему видимость рукописи, я аккуратно нарисовала в самом верху цифру «1», потом начала разукрашивать ее завитушками. Наконец вдохновение слетело ко мне с небес, в голове возникла первая фраза нового романа. Счастливая донельзя, я схватила ручку и…

– Блям, блям… – донеслось снизу.

Я отшвырнула ручку. Ну как можно работать в подобных условиях! На сей раз на крыльце обнаружился местный электрик.

– В связи с техническими неполадками света не будет до шести, – сказал он.

– У нас генератор, – ответила я.

– Мне велено всех обойти, – скривился дядька.

– Хорошо, спасибо.

– У вас есть аварийный источник тока, а у других нет, – загундосил электрик.

– И что? – удивилась я.

– Ничего! Просто сообщаю, – пожал плечами рабочий. – Не злитесь.

– И в голову не придет возмущаться!

– А то не вижу, что недовольны.

– Вы ошибаетесь.

– Ага! Уже к седьмым захожу, и везде рожи корчат! – заявил местный энергетик.

Я весьма невежливо захлопнула дверь, пошла наверх, села за стол, глянула на бумагу и…

– Блям, блям…

Крепко сцепив зубы, я вновь добежала до двери и, открыв ее, рявкнула:

– Что надо?

– Тетенька, – пропищало снизу, – к вам кошка не заходила? Рыжая, с белой грудкой. Зовут Муся, она потерялась.

С огромным трудом улыбнувшись маленькой симпатичной девочке, явно жительнице поселка, я нарочито спокойно ответила:

– Нет, но если появится, непременно вам сообщу.

– Мы живем на сорок пятом участке, – обрадовалась малышка. – Не забудете?

– Сейчас запишу, – пообещала я, закрыла дверь и, глубоко вздохнув, пошла по ступенькам вверх.

Добраться до кабинета не удалось.

– Блям, блям…

Неожиданно раздражение пропало. Интересно, кого принесло сейчас? Нам блокируют канализацию? Раздают счета за пользование свежим воздухом? Или у соседей начался массовый побег домашних животных?

Я отодвинула щеколду и увидела Ленинида.

– Здорово, доча! – заорал папенька. – Ты как? О'кей?

Я села на пуфик, стоявший в прихожей. Папашка теперь востребованный актер, кумир миллионов женщин как в России, так и в странах ближнего зарубежья. Ничто в его облике не напоминает бывшего уголовника, проведшего большую часть жизни на зонах[4 - Наиболее полно судьба Ленинида рассказана в книгах Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Кекс в большом городе», издательство «Эксмо».]. Ленинид избавился от прежних замашек, теперь он роскошно (впрочем, на мой взгляд, даже слишком роскошно) одевается, ездит на выпендрежно дорогой машине и обливается терпкими духами по цене сто евро за унцию. Вот и сейчас на папашке белые джинсы, более подходящие тинейджеру – они рваные в самых неожиданных местах и украшены широким ремнем с вычурной, блестящей пряжкой, – розовая рубашка в тонкую голубую полоску, малиновый жакет и зеленая бейсболка с непонятной надписью.

Немного пестровато, но у актеров так принято: чем чудней, тем модней.

А еще Ленинид хорошо усвоил истину: скандал – двигатель популярности. Теперь имя папеньки не сходит со страниц прессы, он ухитряется каждый день давать журналистам повод хвататься за перо. Согласитесь, это искусство, овладеть им дано не каждому. Вот писательница Арина Виолова никак не научится подобному трюку, за что нещадно ругаема Федором, начальником пиар-отдела издательства «Марко». Ленинид же мастер в данном виде спорта, он и простой поход в магазин за продуктами способен превратить в шоу. Отчего папашка, имея жену, сам носится за харчами? Да нет у него больше супруги! Наша бывшая соседка Наташка, некогда обратившая внимание на только-только «откинувшегося» с зоны рукастого мужика, способного вмиг сделать шкаф в коридоре, потеряла право называться официальной супругой.

Развод Ленинид тоже превратил в спектакль. Только ленивый журналист не описал процедуру, во время которой бывший муж рыдал крокодиловыми слезами, рассказывая о своей поруганной любви. А после процесса пронырливый папашка приобрел статус «свободного секс-символа» – именно так называют актера Тараканова в желтой прессе. Мне остается лишь недоумевать, отчего роль красавца-соблазнителя отведена не слишком привлекательному мужчине среднего возраста. Есть еще одна загадка: ну по какой причине одно упоминание фамилии папеньки в титрах «делает кассу»? Что такого находят в нем зрительницы? Почему восторженно визжат, увидев на экране простецкую физиономию с наглым взором?

– Знакомься, доча, – радостно блестя глазами, продолжил орать папенька.

– С кем? – уточнила я.

– Это Нинок, – продолжил Ленинид и выдернул из-за своей спины симпатичную девушку лет двадцати по виду.

Длинные, прямые светло-русые волосы спускались на плечи гостьи, нежную кожу личика густо покрывали веснушки, чуть раскосые голубые глаза были окружены густыми ресницами, пухлые губки приветливо улыбались. Незнакомка не была красавицей, но выглядела симпатичной, милой, и она не казалась испуганной или сконфуженной. Одна беда – у девушки была совершенно бесформенная фигура: никакого намека на плавные изгибы, подушкообразная

грудь перетекала в объемистый живот. Если уж совсем честно, то Нинок походила на пинг-понговый шарик, у которого по недоразумению выросли тоненькие-тоненькие ручки-ножки и большая голова.

– Мы с Нинком на днях идем в ЗАГС, – затараторил Ленинид и начал втаскивать в прихожую здоровенные баулы, перетянутые кожаными ремнями. – Ты, доча, купи себе приличную одежду, а то замарашкой кажешься.

– По-моему, и так вполне достойно выгляжу, – пожала я плечами. – С какой стати ты озаботился моим внешним видом?

Папашка с явным усилием втолкнул в переднюю очередной здоровенный кофр и недовольно заявил:

– В ЗАГС нагрянет куча народа, стыда не оберусь. Я – известный актер, богатый, уважаемый человек, а дочь… Мало того, что она кропает низкосортные дюдики, так еще и смотрится оборванкой.

На секунду я онемела. Напомнить вконец обнаглевшему папашке, что первую роль он получил – абсолютно случайно, так сказать! – в моем сериале? Если бы не, как выразился Ленинид, «низкосортные дюдики», сколачивать ему шкафы и буфеты до гробовой доски! Пока я давилась невысказанным негодованием, папашка докончил выступление:

– Сделай одолжение, подбери платье. Белое!

– Розовое, – пискнула Нинок, – белое одену я. Подружкам положено цветное.

– Умница! – пришел в восторг папашка. – Действительно! Вилка, немедленно беги за вечерним нарядом цвета юной зари.

Я заморгала. «Вечерний наряд цвета юной зари» – это явно цитата из очередной роли. И тут до меня, как до жирафа, начал доходить смысл сказанного.

– Минуточку! А зачем вы собираетесь идти в ЗАГС, да еще в белом платье и в компании подружек?

Нинок захихикала, а папенька начал издавать звуки, которые могли бы получиться у лошади, пожелай она похрюкать. Представляете кобылу, которая издает вопли довольного поросенка? Тогда вам понятно, на кого походил сейчас Ленинид.

– Дура же ты, Вилка, – наконец сумел произнести папашка. – Свадьба у нас!

– У кого? – тупо спросила я, оглядывая его спутницу.

– У кота с барбосом! – рявкнул Ленинид. – Проснись, доча! Папа женится! Где радость? Чего надулась?

– На ком? – продолжила я расспросы.

– Ох и тяжело с тобой… – покачал головой папашка. – Вроде молодая, а мозг уже того, погиб… Ладно, объясняю с самого начала. Доча, это Ниночка. Моя жена. Будущая.

– И давно вы знакомы? – не успокаивалась я.

– Уж не один месяц, – сообщила Ниночка и зарделась.

– Значит, бегом платье заказывать! – потер руки Ленинид. – Мы только что заявление подали, в ближайшее время под венец.

– Раньше людям полагался месяц на помолвку… – растерянно пробормотала я, тщетно пытаясь изобразить на своем лице бурную радость.

– И сейчас так, – закивал Ленинид.

– Тогда зачем торопиться? За тридцать дней успею продумать костюм подружки.

– Ты не поняла? – насупился папашка. – Свадьба-то уже на носу.

– Быстро хорошо лишь блох ловить, – ляпнула я.

– Ребеночек должен родиться в законном браке, – тихо-тихо сказала Ниночка и опустила наивно большие глаза в пол.

– Она беременная! – ахнула я.

– Разве не видно? – изумился папенька. – Вон живот какой!

– А я думала… – начала я и осеклась.

Ниночка подняла взор.

– Посчитали меня уродской толстухой? Ну, спасибо!

– Нет, конечно, – принялась я исправлять свою ошибку, – просто… решила… предположила… посчитала…

– Что у меня водянка? – склонила набок голову Ниночка.

– Право… нет… э… что вы… э… слегка… нездоровы… и…

– Что у меня слоновья болезнь? – с отчаянием в голосе поинтересовалась Ниночка.

– Нет! – рявкнула я. – Не могла и заподозрить, что Ленинид надумает обзавестись ребенком, потому как… э… э…

– Страдает импотенцией? – предположила Ниночка.

Я тяжело вздохнула. Похоже, с новой маменькой мне будет трудно найти общий язык.

– Мы так и будем стоять в дверях? – нежно пропела Ниночка. – Я очень устала и хочу пить.

И тут – в который уж раз за сегодняшний день! – ожил звонок.

– Дзынь, дзынь…

Я радостно рванулась к двери. Слава богу, кто-то пришел! Главное сейчас – разбавить нашу родственную группу посторонними людьми, может, тогда не случится громкого скандала, который уже готов взорваться, словно бутылка с водой, куда хулиганистые дети запихнули карбид.

– Здравствуйте, здравствуйте, – щебетала я, распахивая створку, – очень рада…

На крыльце оказалось пусто. Я удивилась: а где люди? И почему звонок безостановочно тренькает? Как такое может быть? Я же великолепно вижу, что никто не нажимает на пупочку…

– Ты уверен, что ей можно разрешить жить без постоянного присмотра? – с легкой тревогой спросила Ниночка.

– Она не опасная, – ответил папенька, – заклинивает ее иногда, это уж есть, писатели они ваще все с левой резьбой. Эй, Вилка, ты почему телефон не берешь?

Я оторвалась от созерцания пустых ступенек.

– Телефон?

– Ну да, – кивнул папенька. – Ишь разрывается!

– Телефон! – осенило меня. – Это не дверь!

– В принципе, правильно, – с явной жалостью в голосе закивала будущая мачеха. – Нельзя не согласиться с данным высказыванием: телефон – это не дверь. Аппарат с кнопочками и трубкой предназначен для разговора людей, находящихся на значительном удалении друг от друга. Боюсь сейчас поразить вас шокирующей информацией, но с его помощью легко пообщаться даже с человеком, который живет в Америке…

Я схватила трубку, лежащую на комоде.

– Алло.

В ухо полетели рыдания:

– Она… он… вернулся… Роберто… папа… мама…

– Милка! Это ты?

– Я, – неожиданно четко ответила подруга.

– Что случилось?

– Он вернулся.

– Кто?

– Роберто-о-о… – закричала подруга. – Стоит на пороге… с топором, всех убивает, стреляет… А-а-а-а!

Крик захлебнулся, из трубки тревожно заныли гудки. Я схватила ключи от джипа и ринулась к навесу, под которым стояла машина.

– Доча, куда полетела? – всполошился Ленинид.

– Скоро вернусь! – выпалила я на бегу. – Устраивайтесь спокойно!

Глава 6

Дверь в особняк Каркиных открыла горничная Лариса.

– Ой, Вилка, – зашептала она, – тут такое…

– Какое? – тихо спросила я.

Оглядываясь и вздрагивая, домработница вывалила ворох новостей.

В момент происшествия Ларисы не было в особняке – она ездила в магазин, вернулась уже после случившегося, но восстановить события сумела.

Я уехала домой, а тетя Аня, которой не разрешили сопровождать дядю Антона в больницу, пошла на кухню и сделала то, чего практически никогда не делала ранее: налила себе стакан коньяка и выпила его одним глотком. Алкоголь моментально замутил разум дамы, редко употребляющей спиртное, и тетя Аня решила прилечь. Она пошла в спальню, а потом, очевидно, услышала звонок в дверь. Спустилась вниз и распахнула створку.

На симпатичном половике, украшенном надписью «welcome», стоял… Роберто.

Тетя Аня икнула, захлопнула дверь, затем вновь открыла ее, потерла глаза… но мерзкое чучело не исчезло. Оно не было плодом воображения или миражем – крокодил стоял на пороге. Анна Семеновна заорала и упала.

Домработница, вернувшись домой, растерялась. Вместо того, чтобы помочь Анне Семеновне, Лара бросилась внутрь особняка, крича:

– Люди, помогите!

Милка на тот момент, обпившись валерьянкой, мирно спала в своей комнате. В общем, подруге пришлось пережить еще один стресс. С трудом вернувшись в действительность, она кинулась к двери, увидела распростертую маму, а на пороге чучело Роберто. И тут у моей бывшей одноклассницы сдали нервы. Она, правда, сумела вызвать «Скорую помощь», но потом впала в истерику и стала звонить мне. Затем Мила унеслась в свою спальню и заперлась там. А Лариса, оставшись одна, в панике металась по дому, не понимая, что делать.

Я на секунду онемела, потом спросила:

– Тетю Аню куда увезли? Ты записала номер больницы?

– А никто не приезжал, – всхлипнула Лара.

– Как? Врачи до сих пор не прибыли по вызову? – испугалась я. – Где же тетя Аня?

– У входа она, – пролепетала Лариса. – Как свалилась, так и осталась лежать. Мне ее не поднять, очень тяжело!

– Но в прихожей пусто, – тихо сказала я.

А про себя подумала: бедная Лариса, похоже, у домработницы начались глюки. Хотя это объяснимо – у любого, даже самого здорового человека съедет крыша от того, что происходит сейчас в особняке Каркиных. Наверное, у горничной случился приступ амнезии, она попросту не помнит, как медики унесли на носилках несчастную тетю Аню.

– Так Анна Семеновна у второго входа, – вдруг сказала Лара, – у того, который в сад ведет. Звонок раздался оттуда. А я, как из супермаркета приехала, пошла в кладовку продукты раскладывать, ну и увидела…

Я вздрогнула.

– Ты хочешь сказать, что хозяйка вот уже несколько часов лежит на полу?

Лариса кивнула и прошептала:

– Да. Пыталась дать ей воды, не пьет, мимо рта течет, на вопросы не отвечает, а тело никак не приподнять, слишком тяжелое.

Я ринулась в коридор, уже на бегу выкрикивая указания домработнице:

– Немедленно звони в «Скорую» и скажи: «Если не примчитесь через пять минут, подадим в суд за неоказание помощи». Все вызовы фиксируются. Напомни им, что машину ждешь уже черт-те сколько времени!

Лара ойкнула и вытащила из кармана фартука трубку.

– Здрассти… – услышала я за спиной ее задыхающийся голосок. – «Скорая»? Ой, ща, в столовую пойду, тут глючит…

Причитая и охая, Лариса повернула на перекрестке коридоров влево, а я шмыгнула направо. Толкнула дверь, в которую было вставлено непрозрачное, словно покрытое инеем стекло, и сразу увидела тетю Аню, лежащую на чисто вымытом, из светло-бежевой плитки полу. Рядом валялась разбитая дыня – очевидно, Лариса от испуга уронила купленную «колхозницу».

С первого взгляда стало понятно – женщине уже ничем помочь нельзя.

С трудом сдерживая истерическую дрожь, я присела около тела и позвала:

– Тетя Аня! Это я, Вилка! Не узнаете меня? Ну ответьте, пожалуйста!

Каркина молчала, ее глаза, не мигая, смотрели на красивый фонарик из темно-синего стекла, который дядя Антон привез из Италии. Рот тети Ани был полуоткрыт, правая рука самым неестественным образом завернулась за тело.

Цепляясь за стену, я встала и побрела в столовую.

– Уже едут… – захлебываясь, затараторила Лариса, высовываясь из кухни. – Говорят, хоть сто раз в суд ходите, ничего не получится – не было вызова! Вилка, может, ей кофе отнести?

– Кому? – безнадежно осведомилась я.

– Так Анне Семеновне…

– Не надо, – ответила я. – Постой, что значит – вызова не было?

Лариса пожала плечами.

– Уверяют, никто от нас не звонил, я сейчас вроде как в первый раз обратилась.

– Ну это им с рук не сойдет! – обозлилась я. – Попрошу Олега, пусть через телефонную станцию выяснит. Вот сволочи! Ты можешь припомнить, когда звонила врачам?

– Две минуты назад.

– А в первый раз?

– Две минуты назад, – тоном робота заявила Лариса.

– Кто вызывал «Скорую» раньше? – упорствовала я.

– Не знаю. Наверное, Мила.

– Где, кстати, она? – опомнилась я. – Почему вниз не спускается?

– Понятия не имею, – прошептала Лариса. – Ой-ой-ой! Вилка, а чего с ней?

– Прекрати истерику! – рявкнула я. – От воплей ничего не изменится. Пошли.

– Куда?

– В спальню, к Милке.

– Ни за что, – отчеканила Лариса и юркнула в кухню. – Сама иди, – донеслось оттуда через секунду, – боюсь!

Мне тоже стало страшно. Но мысль о том, что у подруги мог случиться сердечный приступ, прибавила сил. Преодолевая ужас, я побежала вверх по ступенькам, без стука распахнула дверь и, увидав на кровати неподвижное тело, заорала:

– Мила!

Подруга никак не отреагировала на вопль. Я подскочила к помпезному ложу на резных ножках и перевела дух – Милка крепко спала, на тумбочке маячила пустая бутылка из-под коньяка.

Примерно через час в доме Каркиных снова суетилось много народа. Тело Анны Семеновны увезли, Милку не стали трогать.

– Небось стресс алкоголем снять решила, – вынес вердикт симпатичный доктор. – Досталось ей сегодня: отец при смерти, мать скончалась. Пусть спит, до утра гарантированно не проснется. Да, кстати… Там шум подняли, вроде мы сюда на первый вызов не прибыли. Так неправда это! Наша «Скорая» коммерческая, от крупной поликлиники. Повторяю: никто от вас не звонил. А как только вызвали, мигом прилетели. Видели нашу машину? В России таких больше ни у кого нет, в Америке закупили, по любому бездорожью танком прет, на ходу можно операции делать, уникальное оборудование. Только в вашем случае оно ни к чему. Анна Семеновна, похоже, скончалась сразу, падала на пол уже мертвой. Конечно, вскрытие точнее покажет, но есть некоторые внешние признаки, сообщающие, что смерть произошла в секунду. Повезло.

– Хорошо везение… – дернулась я.

Врач тяжело вздохнул.

– Не видели вы тех, кто по десять лет без движения в кровати лежит. Приедешь к такому, глянешь – мама родная! Уж лучше под троллейбус попасть! Вы езжайте домой.

– Нельзя же оставить Милу одну, – устало сказала я.

– С ней прислуга, – напомнил доктор. – А вам я бы рекомендовал провести вечер спокойно. Примите валокордин, капель, скажем, тридцать пять, и в койку. Людмила не проснется до завтрашнего полудня, вы ей не нужны.

– Лариса дура, – вырвалось из меня.

– Не стану спорить, – кивнул доктор, – но она вполне способна лечь спать в комнате хозяйки. Езжайте домой, сочувствие подруге выкажете завтра. Кстати, отнюдь не все люди хотят, чтобы их в тяжелую минуту видели даже близкие друзья.

Последний аргумент был решающим. Я спустилась на первый этаж и велела Ларисе:

– Запри двери и устраивайся на ночь в спальне Милы. Телефон не выключай, если понадоблюсь, звони, мигом прикачу.

– Ладно, ладно, – закивала Лара. – Ой!

– Что? – напряглась я.

– А этот?

– Кто?

– Роберто, – промямлила Лариса, – крокодил… он там…

– Где?

– У черного входа… на крылечке… Вилка, увези его!

Я на секунду призадумалась, затем приказала:

– Разожги камин!

– Тепло на улице, – решила поспорить Лариса.

– Делай, что велю!

Домработница бросилась в гостиную, а я, пытаясь унять бешено колотящееся сердце, пошла к месту смерти тети Ани.

Дверь черного хода в суматохе забыли закрыть, она стояла нараспашку, из сада долетал дивный аромат неведомых мне цветов, а на небольшом приступочке красовался мерзко ухмыляющийся Роберто. Набрав полную грудь воздуха, я, словно бегун на стометровую дистанцию, затаила дыхание, потом схватила чучело, пролетела со скоростью ветра путь до гостиной и с порога заорала:

– А ну открывай дверцу!

Лариса моментально подняла вверх огнеупорное стекло, за которым прыгали языки пламени, я швырнула чучело в топку, ощущая себя Фродо, которому таки удалось избавиться от кольца[5 - Вилка вспоминает события, описанные в книгах Толкиена. Прим. автора.].

Послышался легкий треск, потом хлопок, один, другой, третий… Тотем начал корчиться, стекло заволокло темно-синим дымом, а из камина, несмотря на то, что печники наверняка обещали полнейшую герметичность топки, повеяло смрадом.

– Господи Иисусе… – перекрестилась Лариса. – Подох, проклятый. Зачем только Антон Петрович его приволок? Кто ему рассказал про страхолюдище?

– Это уже неинтересно, – ответила я, – чучела нет.

Я, правда, не верила в сверхъестественные способности монстра, но все же хорошо, что тотем уничтожен.

Дома меня ждал сюрприз.

– Ой, Вилка, – заулыбалась Томочка, – хорошо, что ты не поздно вернулась, испекла твои самые любимые пирожочки с капустой!

Тамарочка очень любит меня, ей ничего не стоит вскочить ни свет ни заря и поставить квашню, а я на самом деле обожаю ее выпечку. Но знаю и другое: Тома предпочитает возиться с тестом по утрам – отводит Крисю в школу и начинает хлопотать на кухне. Томуська крепкой рукой ведет наше домашнее хозяйство, пару раз Семен предлагал: «Давай наймем прислугу», – но жена моментально возражала: «Нет, нет! А твои рубашки? Их хорошо не погладят. И навряд ли чужая женщина лучше меня приготовит борщ с пампушками». Поэтому увидеть Томуську у плиты неудивительно.

Странно иное. Затевая пирожки, подруга всегда спросит у меня еще накануне: «Какую начинку хочешь? Капуста, мясо, ягоды, грибы, картошка с луком?» А еще она свято соблюдает правило: вечером, когда члены семьи дома, – никаких хозяйственных хлопот. К моменту прихода Олега и Семена со службы на кухне

царит чистота, стол накрыт, стирка, глажка и уборка закончены.

– Быть домашней хозяйкой – искусство, – уверяет Томочка. – Но высший пилотаж вести его так, чтобы члены семьи полагали: все делается само собой.

И до сих пор Тамарочка не изменяла своим принципам. Но сейчас уже совсем поздно, а приготовление пирогов в разгаре. Одна порция, правда, уже испеклась, но на специальной подставке виден противень с еще сырыми кулебяками, на Томусе фартук, руки подруги в муке, и ни о каких начинках вчера речь не шла.

– Бери оттуда, – весело зачирикала Томочка. – Осторожно, разломи и подуй внутрь, очень горячие, можно обжечься. Чаю налить?

– Сама справлюсь, – ответила я и не удержалась от ехидного вопроса: – По какой причине меня решили подкупить? Что произошло? Если Олег опять внезапно, забыв предупредить жену, укатил в командировку, то…

– Они с Семеном уехали вместе, – ласково заулыбалась Томочка. – Я отпустила их, взяла на себя смелость. Правда, звонила тебе, но мобильный талдычил про недоступность абонента.

Я кивнула.

– У Милки в доме такие стены, что сигнал не проходит. Похоже, у них в особняке можно пересидеть атомную войну, столько там бетона. А куда отправились наши вторые половины?

– Ты только не сердись! – кинулась защищать Олега и Семена Томуся.

– Даже в голову не придет, наоборот, хорошо, что ускакали, – усмехнулась я, – собиралась срочно садиться за рукопись. Ты, кстати, могла и не заводиться с пирожками, чтобы подсластить мне горечь разлуки с мужем. Так куда они подевались?

– Андрюша Проклов женится, – заулыбалась Томуська. – Он созвал мальчишник, снял дом отдыха на несколько дней. Никого из женщин не звали.

– Понятно! Кто ж со своим самоваром в Тулу катается!

– Вилка! Ничего такого, о чем ты подумала, не планировалось! Просто выпьют, погуляют, заказана рыбалка.

– Ага, – кивнула я. – А кто уже посажен на крючок? Русалки? Ладно, пойду наверх.

– Ой, погоди, – заволновалась Томуська, – лучше сначала съешь пирожок.

– Хочу умыться и переодеться.

– Ой, не надо!

– Почему?

– Ну… с капустой…

– Не садись на пенек, не ешь пирожок… – протянула я. – Быстро говори, по какой причине мне не следует ходить в спальню? Никитос опять играл в Человека-паука и разбил окно?

– Нет, там спит Нина.

Я удивилась.

– Кто?

– Невеста Ленинида, – еще тише ответила Тома. – Он сказал, ты ее видела.

– Верно. Ровно пять минут. Открыла дверь, впустила парочку, услышала о матримониальных планах и укатила по своим делам, – подтвердила я, думая, как лучше преподнести подруге информацию о несчастьях в семье Каркиных. Тома не обладает богатырским здоровьем, а узнав такое, она начнет переживать, о неприятностях ей следует сообщать аккуратно, тщательно дозируя и фильтруя сведения.

– Ниночке понравилась твоя спальня, – лепетала Томуся, – она ее выбрала.

– Для чего?

– Для жизни. Ты не волнуйся, все уже перетащили.

– Не поняла, – попятилась я.

Тамарочка схватила скалку и, превращая очередной кусок теста в заготовку для пирожка, продолжила:

– Ниночка стала осматривать дом и пришла к выводу, что лучшего места, чем твоя спальня, нет. Вилка, съешь вон тот пирожок, румяненький… Я так старалась! Во рту тает!

– Вот почему замешено тесто! – топнула я ногой. – Чтобы Вилка налопалась кулебяки и, придавленная вкусной едой, не начала злиться! Ну я сейчас разыщу Ленинида…

– Он уехал, – быстро сказала Томуся. – Оставил Ниночку за хозяйку.

– За хозяйку чего?

– Дома.

Я чуть не задохнулась от негодования.

– Ну и нахал! Почему он вообще к нам приперся?

Тамарочка прижала правую ладонь ко рту.

– Вилка, только послушай спокойно. Ленинид очень несчастен!

– Ты так полагаешь?

– Да. Первая часть его жизни прошла за колючей проволокой…

– А не надо воровать!

– Вилка, он твой папа!

– Собственно, познакомилась с родителем лишь в зрелом возрасте и не пришла от его появления в моей жизни в восторг.

– Но другого отца у тебя нет. И как ни злись, он останется самым родным человеком, – пролепетала Томочка.

– Ладно, – сдалась я, хватая пирожок, – уговорила. Повествуй, что придумал папенька на сей раз.

Глава 7

Вкратце ситуация выглядела так: Ленинид, как подавляющее большинство мужчин, шагнувших за пятидесятилетний рубеж, стал жертвой так называемого кризиса средних лет. Сильная часть человечества в данном возрасте вдруг соображает: жизнь стремительно утекает, – и пускается во все тяжкие. Одни меняют работу, другие бросают верную жену, заводят любовницу, молодую девицу, не обремененную ни прожитыми годами, ни заботами, третьи оказываются в лапах депрессухи и начинают пить.

Впрочем, у Ленинида особая статья. Наташка была приобретением дозвездной части биографии, и папенька, став знаменитым, поспешил убежать прочь.

На одной из тусовок Ленинид познакомился с Ниной, юной наследницей очень богатого человека, и приударил за девушкой. Ореол славы может ослепить любую, и Ниночка не заметила, что Ленинид годится ей в отцы, а посему ответила ему взаимностью. Вспыхнул роман. Олигарх насторожился, навел справки о кавалере дочери и с воплем: «Не хочу престарелого клоуна в зятья!» запер Ниночку дома.

Сунув «глупую Джульетту» под замок, богач забыл про «добрую кормилицу». А у Ниночки есть мама – романтичное белокурое существо, которая, несмотря на двадцатипятилетний брак и наличие взрослого ребенка, осталась в душе четырнадцатилетним подростком. При слове «любовь» Женечка, так зовут будущую тещу Ленинида, закатывает глаза и стрекочет:

– Ах, это чудесно!

Именно глупая маменька заметила у дочурки некие признаки, свидетельствующие о потере женской чести. Женечка побеседовала с Ленинидом, и папенька пришел в восторг: раз он станет отцом, значит, еще молод и душой, и телом. Олигарх, редко бывающий дома, практически не видел дочь и ни о чем не подозревал. Глупая супруга-блондинка сумела ловко обвести вокруг пальца брюнета-мужа, жестокого отца, жесткого бизнесмена, человека логического ума и железной хватки. Сейчас Константин, отец Нины, улетел по делам в Германию. Дочь моментально смылась из дома и подала с любимым заявление в ЗАГС.

Ленинид использовал всю свою звездность, чтобы ускорить приближение торжественного дня. Женечка заперла комнату дочери, ключ сунула к себе в карман и заявила многочисленной челяди:

– Ниночка в депрессии. Не желает видеть никого, кроме матери.

Наивная Женя думала таким образом надуть прислугу, но верная хозяину экономка стуканула тому, что, похоже, дочери в доме нет. Константин позвонил супруге, выслушал ее тихое вранье: «Все в порядке, милый, чмок, чмок, не волнуйся» – и заревел в ответ: «Их найдут мгновенно! Нинку отправлю за океан, актеришке ноги повыдергаю!»

Женечка схватилась за голову и позвонила Лениниду. Папенька испугался, собрал шмотки и перебрался к нам. Расчет Ленинида прост: ищейки олигарха сначала бросятся по месту прописки незадачливого женишка, а папенька до сих пор числится в старой квартире у Наташки. Бывшая жена – дама решительная, она не испугается ни ОМОНа, ни службы безопасности, ни инопланетян, восседающих на дрессированных драконах. Скорей всего, Ната, злая на Ленинида, преспокойно сдаст его, скажет: «У дочери живет» – и назовет наш московский адрес.

Группа захвата рванет по указанному адресу. И что она там найдет? Бригаду перепуганных молдаван, которые в ужасе начнут твердить:

– Твоя моя не понимай! Хозяин нету! Уехал совсем!

Мы-то сейчас временно обитаем в доме, который сняло для писательницы Виоловой издательство. Попробуй найди теперь Ленинида и Ниночку! Нет, затратив энное количество денег и приложив определенные усилия, олигарх, конечно, доберется до парочки, но к тому моменту у того на руках будет свидетельство о браке, а живот Ниночки может уже трансформироваться в младенца. Одно дело жаждать крови гнусного соблазнителя наивной девочки, другое – охотиться на законного мужа дочери, отца собственного внука. Согласитесь, девяносто девять процентов дедушек крякнут и ради счастья кровиночек прекратят боевые действия.

– Ладно, – кивнула я, выслушав Тому, – одна сторона беды понятна. Но почему Нина здесь распоряжается?

– Она очень милая девочка, – бросилась на защиту моей будущей мачехи Тома, – маленькая, робкая, наивная, абсолютно домашняя! Ленинид – ее первая любовь.

– Как-то не вяжется характеристика с поведением, – не успокаивалась я. – Белая маргаритка не захочет выгнать другого человека из спальни.

– Это Ленинид, – вздохнула Тома.

– Что он натворил еще?

– Когда я вернулась, – нехотя призналась Тамарочка, – Нина сидела в гостиной, а Ленинид бегал по комнате и говорил: «Здесь, дорогая, ты будешь в комфорте. Конечно, я уже начал поиски нового, более просторного дома, этот нам будет мал после появления малыша. Оставлю здание дочери».

– Ленинид наврал, что особняк его! – дошло до меня.

– Ну, «наврал» слишком резко звучит, – залепетала вечно всех защищающая Томуся, – скажем так: слегка преувеличил. Вообще говоря, ничего дурного он не

сделал, сообщил почти правду: он и впрямь намерен купить жилье, насобирал гонорары. Ниночка привыкла к условиям, ей…

– Понятно, – хмыкнула я, – способность папеньки распускать хвост и красоваться павлином мне великолепно известна. Можешь не продолжать. И как нам теперь поступить?

– Вилочка, – запричитала Томочка, – они очень любят друг друга…

– С милым рай и в шалаше!

– Оно так, только Ниночка никогда не видела «хрущевки». Представляешь ее ужас, когда Ленинид откроет дверь и скажет: «Входи, милая, пока нет новой квартиры, тут перекантуемся. Этой здоровенной тетки, вопящей благим матом и размахивающей чугунной сковородкой, бояться не надо. Моя бывшая жена в сущности милая дама»? И как отреагирует беременная Ниночка?

– Думаю, испытает сильные ощущения, – развеселилась я, глотая пятый до невозможности вкусный пирожок. – Только Ленинид может временно снять квартиру.

– Он все деньги вложил в покупку дома. Неужели нам трудно пару месяцев пожить вместе? Ленинид сейчас как раз помчался к риелтору, вроде договор подписывать.

– Хорошо, – сдалась я, – согласна. Но с какого бодуна он придумал назваться хозяином этого дома?

Томочка смущенно кашлянула.

– Ты же знаешь Ленинида! Зачем спрашиваешь?

Я стукнула кулаком по столу.

– Супер получилось! Папашка в очередной раз скорчил из себя звезду, растопырил пальцы и обманул наивную Ниночку. Лениниду захотелось изобразить богача, владельца элитной недвижимости, а девочка поверила и

выбрала для себя чужую спальню…

– Завтра же перемещу ее в гостевую комнату, – пообещала Томуся, – что-нибудь придумаю. Понимаешь, когда вернулась, уже…

– Ладно, не стоит беспокоить беременную, – вздохнула я, – мне, в принципе, все равно, где спать. Дом не наш, скоро закончится ремонт, и уедем. Просто меня бесит поведение папеньки.

– Его не переделать. Ленинида надо принимать таким, каков он есть.

– И следует терпеть его хамство?

– Ниночка беременна, ей нельзя волноваться, – напомнила Томочка. – Ой, Вилка!

– Что еще? – безнадежно спросила я. – Только не говори, что Ленинид решил отдать будущей жене мой джип!

– Нет, – засмеялась Томочка, – я о другом. Мне внезапно пришло в голову: у нас будет маленький, и это твой братик или сестричка!

– Ну просто офигеть! – подскочила я. – А еще получу маменьку и дедушку с бабушкой. Интересно, каким образом отреагирует олигарх, если я кинусь ему на шею с воплем: «Деда Костя, купи мне новую куклу!» Кстати, что Ленинид сказал Нине о нас? Мы кто?

– Ты его дочь от первого брака, я – племянница, Олег и Семен наши мужья, Крися и Никитка внуки, – заулыбалась Тамарочка.

– Хорошо хоть не представил всех прислугой, – фыркнула я. – Круто могло получиться: Тамара – экономка, Олег – начальник охраны, дети – поварята, Виола…

– Нина знает, что ты писательница, – вмешалась Тамарочка, – она читает детективы. Пришла в полный восторг, увидав нашу библиотеку. А еще сказала, что ты во много раз интереснее, чем Смолякова.

Я невольно заулыбалась. Похоже, Ниночка – милая девочка с хорошим вкусом. Надеюсь, Ленинид не обидит юную жену и не причинит ей неприятностей. Кстати, девушка сразу мне понравилась, и ребенок – это замечательно. Конечно, я буду ему не столько сестрой, сколько тетушкой, но все равно, надеюсь, мы подружимся.

– Что у Каркиных? – перевела разговор на другую тему Томочка.

– Ничего хорошего, – забыв о предусмотрительной осторожности, помрачнела я. – Тетя Аня умерла, дядя Антон в реанимации, Милке плохо, сейчас она спит.

– О боже! – ахнула Тома, но потом воскликнула: – Но все равно надо надеяться на лучшее!

– Верно, – кивнула я и пошла принимать душ.

Увы, безудержный оптимизм Тамарочки не помог. Около полуночи мне на мобильный позвонила Лариса и, рыдая, сказала:

– Антон Петрович умер, не приходя в сознание.

Сами понимаете, какое у меня было настроение на похоронах. Сначала даже заколебалась, стоит ли ехать на кладбище, но в конце концов отправилась на скорбную церемонию.

Народу было полно. Среди массы незнакомых лиц, сотрудников фирмы Каркиных, мелькали те, кого я давно не видела. Например, директриса школы, где мы с Милкой учились, или Лена Буйнова, соседка по дому, где прошли наши детство и юность. Милка обняла меня и горько заплакала.

– Прости, – прошептала я, – ужасная случайность! На все божья воля.

– Ты не виновата, – ответила подруга.

– Думала, он заработал сердечный приступ от испуга!

– Нет, – стала успокаивать меня Мила, – вскрытие показало истинную причину смерти. Я плохо поняла подробности, но у папы, как выяснилось, имелась опухоль. Болезнь пока не давала о себе знать. Впрочем, может, и «щелкало» когда, но папа же не ходил по докторам. Мама поставила его на учет в отличную платную клинику, но он все равно не посещал врачей. Опухоль куда-то проросла, и отцу разом стало плохо, началось внутреннее кровотечение.

Я не перебивала Милку, пусть выговорится. Оказывается, Антон Петрович вылез из бани не по причине отключившегося света. Он начал терять сознание, решил войти в дом и позвать на помощь, но не успел. Последнее, что сделал, это распахнул дверь. Неизвестно, увидел ли он вспышку света и меня с Роберто. Похоже, последние шаги Каркин совершил уже в агонии.

– Тебя не должна мучить совесть, – шептала Милка.

– Спасибо, – тихо-тихо ответила я.

– Ужасно, что тебе пришлось пережить!

Я обняла Милу.

– Замолчи. Хуже всего сейчас не мне.

Подруга закивала.

– Да, да, да. Они так ужасно выглядят… я не могу подойти к гробам. Пошли вместе?

Я взяла Милу за руку и прижалась к ней. Толпа, увидав нас, расступилась, мы медленно побрели по образовавшемуся коридору. Сердце защемило. Тетя Аня выглядела маленькой, остроносой старушкой. Голову ей по православному обычаю замотали в платок, лоб закрывала белая лента с молитвой, щеки тонули в слишком ярких, каких-то не по-кладбищенски радостных цветах, подбородок скрывало кружевное жабо нарядной блузки. Дядя Антон еще меньше походил на себя. Гример перестарался – растер по лицу литр жидкого тонального крема, намалевал на щеках свекольный румянец, оттенил невесть зачем веки синим и наложил на губы помаду.

– Смотрятся ужасно, – всхлипнула Милка. – Так изменились!

– Нет, очень достойно, – решила я утешить подругу. – Гробы дорогие, много цветов, народу толпа!

– Разве это им теперь нужно… – дернулась Милка и истерично зарыдала.

Моментально подбежали две женщины в белых халатах и увели мою подругу. Я почти без сил плюхнулась на один из стульев, стоящих возле гробов, но тут же вскочила – сидеть около домовин показалось неприличным.

Траурная церемония катилась своим чередом. Сначала говорили речи, потом на специальных тележках гробы доставили к отрытым могилам и опустили вниз, присутствующие бросили по горсти земли, рабочие установили к свежему холму венки, люди начали укладывать букеты.

Я оказалась последней, кто воткнул цветы в гору растений. Поскольку на похоронах присутствовали в основном сотрудники фирмы Каркина, то композиции, принесенные на кладбище, поражали изысканностью и богатством. Мои астры смотрелись вызывающе скромными.

Через пару часов я вышла из ресторана, где поминали Каркиных, села за руль и решила позвонить Томочке. Но ни в кармане черного пиджака, ни в сумочке мобильного не обнаружила. Встревожившись, я обыскала автомобиль. Сотовый исчез.

Только тот, кто имеет в телефоне полную записную книжку вкупе с ежедневником, сейчас поймет меня. Потерять сотовый с необходимой информацией – страшная беда, кое-какие номера практически невозможно восстановить. Где я могла посеять телефон?

Так, Вилка, спокойно, не нервничай, стала я настраивать себя. Попытайся сообразить, когда в последний раз держала трубку в руках. В ресторане? Нет, не во время поминок. А когда мне звонили? Вспомнила! Едва траурная процессия вышла из церкви после отпевания, как из моей сумочки понеслась звонкая мелодия. Окружающие невольно вздрогнули, я покраснела, вынула телефон и спросила:

– Кто?

– Конь в пальто, – ответил Федор, начальник службы пиар «Марко». – Где шляешься, лапа? Сидеть у стола надо.

– Извини, я на похоронах.

– Надеюсь, не в роли покойной? – хохотнул Федор, для которого нет ничего святого, кроме денег.

– Потом перезвоню.

– Когда?

– Через час.

– Не забудь.

– Хорошо.

– Знаю тебя. Дело очень важное.

– Ладно.

– Денежное. Может, сейчас побалакаем?

– Я на похоронах, – пришлось еще раз напомнить Федору.

– Речь идет о тугриках! – не успокаивался пиарщик.

– Уже поняла, – зашептала я, – но сейчас неудобно.

– Че? Не слышу!

– Неудобно!

– Встань в удобном месте.

– В смысле, морально нехорошо.

– Экая ты нервная. Ладно, жду! Если через шестьдесят минут не прорежешься, сам звякну, – пообещал Федор и отсоединился.

Под неодобрительные взгляды присутствующих я отключила мобильник и… и… и… сунула его в карман пиджака. Точно! Именно так и обстояло дело. А потом стала укладывать букет и, вероятно, выронила сотовый. Значит, он сейчас лежит на кладбище, звонок отключен, аппарат молчит, его, наверное, никто не нашел…

Глава 8

Вы любите вечером, когда на землю тихо опускаются серые сумерки, ходить в одиночестве по кладбищу? Я не принадлежу к особам, которые обожают проводить досуг столь экстремальным образом. Но куда деваться? Телефон следовало непременно найти.

Войдя на погост, я побежала вперед по дорожке и сразу запуталась. Пришлось прибегнуть к помощи бомжа, который дремал около чьей-то могилы.

– Сегодня были похороны. Не помните, где? – спросила я.

– Эка невидаль. Тута везде зарывают, – меланхолично ответил дядька.

– Двое сразу.

– И че?

– Где их похоронили?

– А тама!

– Где?

– Сто рублев за справку, – не растерялся ханурик.

Пришлось вынуть кошелек.

– Направо голову поверни, – ухмыльнулся мужик, схватив купюру, – ты рядом почти стоишь.

Я невольно послушалась и увидела невдалеке огромный стог из экзотических цветов и вычурно дорогих венков. Внезапно мне расхотелось искать телефон – на погосте было пусто, никого, кроме того самого бомжа поблизости, и стояла, простите за идиотский каламбур, мертвая тишина. Я вновь вытащила бумажник и, роясь в отделениях, спросила:

– Послушайте, если дам вам еще сто рублей, не откажетесь подойти туда вместе со мной?

Маргинал не ответил. Я подняла голову и увидела пустую скамеечку – дядька исчез, наверное, побежал тратить «гонорар». Никогда не следует торопиться, получив случайно подарок, вдруг судьба приготовила еще один…

Вернув вытащенную сторублевку на место, я пересилила неприятные ощущения, подошла к куче цветов и призадумалась. Куда же положила свой букет? Да вот он! Скромные темно-бордовые астры смотрелись жалкими на фоне шикарных экзотов. На секунду я, забыв о цели визита, залюбовалась одной икебаной. Ну и ну! Ярко-красные «тарелки» с зеленой серединой и нечто ядовито-синее, похожее на башню, торчащее по бокам. Неужели это настоящие цветы? К могиле ведь можно принести и искусственные… Не сумев удержаться, я пощупала неведомые растения, пальцы ощутили нежные лепестки, а не накрахмаленную материю.

Никогда особо не увлекалась флористикой, более того, мне совершенно не нравятся срезанные цветы, многие из них, например лилии, очень сильно пахнут. Один раз кто-то из гостей принес в дом громадный букет из них, и вся семья наутро проснулась с резкой головной болью.

Воспоминания пошли косяком… Мачеха Раиса однажды отхлестала меня по щекам жасмином. Я, тогда совсем маленькая, нашла на пустыре куст, обсыпанный мелкими белыми цветочками, и, восхищенная их ароматом, наломала веник, который, засунув в банку, водрузила на кухне. Я думала обрадовать Раису, но мачеха обозлилась, сначала налупила падчерицу, а потом сказала:

– Запомни, дура: жасмин дома к беде. Если в саду цветет, то замечательно, а внесешь в комнату – плохо будет.

Еще у моей одноклассницы Наташи Зотовой умерла кошка – она обгрызла самые обычные гвоздики, с красными шапочками. Оказывается, этот цветок ядовит для животных.

Но сколько ни предавайся воспоминаниям, а сотовый искать надо. Так, попробуем в деталях восстановить ситуацию. Значит, я подошла к могиле самой последней, толпа людей уже двинулась по дорожке к выходу с кладбища. Сначала положила букет, потом вновь нагнулась и стала поправлять стебельки, мне хотелось, чтобы их было видно на фоне вычурно-дорогих композиций. Следовательно, аппарат мог упасть вон туда, между бордовыми розами и белыми орхидеями.

Я присела на корточки, сунула руку внутрь «клумбы», потом приподняла пару букетов и чуть не закричала от радости – на желтой глине мирно чернел телефон.

– Чтоб вам на том свете подохнуть! – раздался негромкий голос.

Сначала я удивилась странности фразы, потом чуть привстала и увидела с противоположной стороны могилы тоненькую фигурку, замотанную в черную кофту с капюшоном.

– Сдохнуть, – азартно повторила незнакомка, – и сгореть! Навсегда, тьфу, тьфу! Вот так! Тьфу! Ща горячо станет!

Продолжая плеваться, девушка вынула из сумки бутылку отчего-то совершенно прозрачного растительного масла, открутила пробку и начала выливать содержимое на могилу. До моего носа незамедлительно донесся резкий запах

бензина.

– Ща поджаритесь! – прошипела незнакомка и швырнула пустую тару в цветы. Потом вытащила коробок спичек, чиркнула…

– Эй, – заорала я, вскакивая на ноги, – с ума сошла?

Таинственная личность вздрогнула, горящая спичка упала в венки, послышался странный звук, словно одновременно зашипело много змей, и по красивым цветам понеслось пламя.

Девица резко развернулась и кинулась по дорожке, но не к центральным воротам, а в противоположном направлении. Я устремилась за ней, проклиная юбку и высокие каблуки. Одеться на похороны привычным образом – в джинсы и кеды – мне показалось неприличным, и вот сейчас я пыталась догнать вандалку, путаясь в подоле и покачиваясь на шпильках.

Скорей всего мне бы не удалось схватить мерзавку, похоже, та великолепно знала топографию кладбища, да и одета девица оказалась куда более удобно для кросса, чем я, – в бриджи и кроссовки. Ловко виляя между надгробиями, она ринулась к ограде, в которой зиял широкий проем. Я попыталась развить максимальную скорость – за забором шумит широкое, никогда не спящее шоссе и гомонит людская толпа, смешаться с ней – дело пары секунд. Понимая, что сейчас упущу пакостницу, я прыгнула вперед, словно обезумевшая кенгуру, и вдруг увидела, как наглая девица, неловко взмахнув руками, упала на землю.

Неудача врага придала сил, я кинулась к девушке, попыталась схватить ее за руку, но тут же получила пинок ногой. Лежащая на глине девица решила драться.

Я сжала кулаки. Сейчас Виола Тараканова – хорошо воспитанная женщина, почти известная писательница и набирающая популярности личность. Но мое детство и отрочество прошли в подворотне в прямом смысле этого слова – там компания подростков пряталась от непогоды и надоедливых взрослых, желавших во что бы то ни стало воспитать слишком шумных ребят.

Нынче, когда мне изредка попадаются журналы с советами по воспитанию детей, я только усмехаюсь, читая фразы типа: «Если ребенка не занять делом,

он начнет курить». Неужели педагоги не знают, что способны предпринять школьники, начиная с первоклашек, если они предоставлены сами себе? Ей-богу, выпускание дыма изо рта не самая страшная затея.

Первое, чему обучается малыш, оказавшийся в компании беспризорных, это удивительной жестокости. Мир двора живет по законам зоны: не верь, не бойся, не проси. А еще: бей первым и никогда не отступай, если кто-то сумел сбить тебя с ног. Один раз покажешь слабость, станут колошматить каждый день. Смелость уважают везде. Упал, встал, упал, встал… схватил палку, кирпич, бросился снова на обидчика, опять упал, встал… и так до бесконечности. Над девочкой, которая заплакала и убежала домой, потом будут издеваться постоянно. Мальчикам все же немного легче, их берут под покровительство старшие парни. А Вилка Тараканова была девочкой и в отличие от большинства подростков микрорайона не имела ни мамы, ни папы, ни деда, ни старшего брата, которые могли бы прийти на помощь.

Разбираться с обидчиками мне приходилось самой, поэтому навыки кулачного боя я отточила до автоматизма. В качестве опасного оружия в драке можно использовать любые, мирные на первый взгляд, предметы: сумочку, расческу, заколку для волос, туфли на каблуке, пояс. А если тебя схватили, то вспомни о зубах и ногтях. Никогда не сдавайся, ори погромче, кусайся, царапайся, плюй противнику в лицо, не показывай, что тебе больно, и непременно победишь.

Несколько минут мы дрались в тишине, потом мне удалось сесть на соперницу.

– С ума сошла? – повторила я свой вопрос.

– Сама дура, – прошипела девчонка.

И тут капюшон куртенки свалился с ее головы, и я поняла, что моей противнице лет четырнадцать, от силы шестнадцать.

– Да ты школьница! – ахнула я.

– И чего? – вдруг вполне мирно отозвалась девочка.

– Давай знакомиться. Вилка.

– Супер! – закашлял подросток. – Тогда я ложка.

Я привыкла к подобной реакции, поэтому совершенно спокойно продолжила:

– Вилка – это модификация имени Виола. Здорово?

– Угу, – ответила девочка. – Слезь, я встану, холодно на земле лежать.

– Сначала назовись.

– Маша Иванова, – не задумываясь, сообщила поверженная противница.

Я рассмеялась.

– Ты не права.

– Пошла на… – вяло ответила школьница.

– Лучше представиться Таней Петровой, говорят, это самое распространенное сочетание имени и фамилии в России.

– Дура! – снова выпалила незнакомка.

– Деточка, ты утомительно однообразна, существуют намного более обидные ругательства. Ладно, поднимайся, пойдем!

– Куда?

– В милицию.

– Зачем?

– В Уголовном кодексе имеется статья, под которую подпадают твои действия, – мирно пояснила я. – Честно говоря, не помню точную формулировку, но за вандализм и осквернение могилы дают вполне ощутимый срок.

– Ничего такого не делала!

– А то я не видела, как ты лила бензин на захоронение Каркиных!

– Ты им кто? – неожиданно поинтересовалась девочка. – Чего там пряталась? Все их родственники с приятелями уже ханкой на поминках надрались. А, знаю, тебя наняли могилу стеречь, чтоб букетики их не поперли. Только они теперь сгорели! Супер! Надеюсь, ничего не осталось! Так что слезай с меня и уходи скорей, никаких денег тебе не дадут, еще и по шее навесят за то, что красоту не уберегла. Давай, вали!

– Зачем ты подожгла букеты?

– Они суки!

– Цветы?

– Нет, Каркины! Мерзавцы!

Я встала и протянула подростку руку.

– Поднимайся. Ты перепутала. Дядя Антон и тетя Аня никому плохого не сделали, они очень интеллигентные люди, ботаники.

– Ботаники… – презрительно повторила девочка. – Они мою маму убили!

В ту же секунду по щекам девочки покатились крупные слезы.

– Послушай… – начала было я.

И тут незнакомка скакнула вдруг в сторону и побежала. Я попыталась остановить ее, схватила даже за рукав куртки, но школьница ловко выскользнула из одежды и исчезла в проломе забора.

Я кинулась за ней, выскочила на шумное шоссе и завертела головой. По мостовой с ревом неслись машины, по тротуару бежала толпа людей, тут и там

притормаживали маршрутки. Оставалось признать: школьница ловко обвела меня вокруг пальца. Вот актриса! Прикинулась побежденной, начала мирно разговаривать, заплакала, и я на время потеряла бдительность, расслабилась… Вот где теперь искать хулиганку? Милка завтра обязательно приедет на кладбище, и представляю, как подруга расстроится, увидев обгорелые останки букетов. Ну с какой стати вандалка набросилась на могилу Каркиных? Ни имени, ни фамилии девчонки я не знаю, мало верится в то, что она Маша Иванова. Единственное, что осталось от хулиганки, это ее куртка с капюшоном.

Я помяла в руках не слишком новую и не особо чистую одежду. Так, в кармане что-то лежит. Воспрянув духом, я засунула руку в прорезь и вытащила… бейджик. «Ларионова Маргарита. ООО Торговый дом «Семиножка».

Прижав к себе куртку, я вернулась на кладбище и пошла к машине, путь лежал мимо могилы Каркиных. Захоронение представляло собой печальное зрелище – цветы погибли в огне, от венков остались лишь почерневшие проволочные остовы. Мне стало нехорошо. Ну, Ларионова Маргарита, погоди… Не знаю, ты ли совершила поджог, а может, кто из коллег по работе или знакомых (бейджик, в принципе, легко мог попасть в чужие руки), но я непременно отыщу девицу и сдам ее в милицию. Впрочем, учитывая фразу про убийство, по школьнице плачет психушка. Я знала Каркиных почти всю свою жизнь, биография тети Ани и дяди Антона кристально чиста, меньше всего их можно заподозрить в совершении страшного преступления. Так, хватит переживать, пора активно действовать.

Я добежала до машины, воткнула в телефон зарядку и с радостью констатировала: работает, несколько часов на земле не повредили аппарату. Отлично, сейчас воспользуюсь услугами справочной службы…

– Здравствуйте, меня зовут Елена, звонок платный, – сказал мне в ухо приятный женский голос.

– Дайте адрес и телефон ООО «Семиножка».

– Минуточку, пожалуйста.

– Я подожду.

– Вам какой именно номер нужен? – через секунду переспросила оператор.

– Их много?

– У «Семиножки» головной офис и девять магазинов.

– Записываю все! – откликнулась я, хватаясь за блокнот и ручку.

Поиски сотрудника лучше всего начинать с того места, где сидит его начальство.

Я потыкала в кнопки.

– «Семиножка» слушает, – ответила женщина.

– Не скажете, Ларионова Маргарита в какой точке служит?

– Справок о работниках не даем, – отрезала секретарша и, забыв сказать «до свидания», отсоединилась.

Я призадумалась. Ну кто носит бейджик в организации, которая занимается торговлей? Наверное, продавцы, стоящие в залах. Вряд ли сотрудники администрации бегают по офисному зданию с опознавательными карточками, это как-то не принято.

Усевшись поудобней, я начала обзвон.

– «Семиножка», добрый день, – мгновенно ответил мужской голос.

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Риту.

– Кого?

– Ларионову.

– Вы ошиблись номером.

– Это магазин «Семиножка» на Русаковской?

– Да, – очень вежливо подтвердил собеседник.

– Маргарита Ларионова у вас не работает?

– Нет.

– Извините.

– Ничего, случается, – усмехнулся парень и бросил трубку.

Почти дословно беседа повторилась со служащими филиала на Ленинградском проспекте и Краснопресненском валу. А вот на Лесной улице ответили иначе:

– Ритуську? – весело воскликнуло звонкое сопрано. – Ща! Ритка, тя к телефону! Эй, Ларионова! Погодите секундочку…

Последняя фраза явно относилась ко мне, я замерла с трубкой, прижатой к уху. «Секундочка» растянулась на несколько томительных минут. В конце концов другой голос, более низкий, сообщил:

– Ритки нет.

– А где она?

– Отпросилась пораньше.

– Вы мне ее телефон не скажете? Мобильный или домашний?

– Ну… – заколебалась собеседница.

– Пожалуйста, – заныла я, – они у меня были, только посеяла мобилу, вместе с симкой… Мне до жути надо связаться с Риткой, помогите…

– Ладно, – сдались на той стороне связи, – могу в книжке посмотреть. Но там только домашний, сотового нет.

– Спасибо! Огромное!

– Записывайте, – велел голос, – шестьсот тринадцать…

Обрадованная, я нажала на кнопки с названными цифрами.

– Хто тама? – прошамкала в ответ бабуся.

– Позовите Риту.

– Хто?

– Ларионову!

– Хто?

– Ваша внучка дома?

– Унучка?

– Да.

– Чья?

– Ваша!

– Моя?

– Да!!!

– А нету.

– Когда придет, не знаете? – орала я изо всех сил.

– Так нетуть, – тупо повторяла бабка.

Я набрала полную грудь воздуха и закричала:

– Адрес скажите!

– Который?

– Ваш.

– Мой?

– Да.

– Мой?

– Да!!!

– Зачем? Ты хто?

– Из домоуправления, – ляпнула я глупость.

– Так бы сразу и сказала, – мирно отреагировала бабуля. – И не ори, не глухая, расчудесно слышу. Новослободская улица, знаешь, хде находится?

– Конечно!

– Вот и славно, – зачастила бабушка, – тама, на углу, хде трамвай, дом стоит кирпичный, налево свернешь, пойдешь в переулок, правее забирай, в арку и до синей скамейки…

– Вы мне почтовый адрес скажите, – перебила я старуху.

– Э, милая, не помню я его, а как итить от метро знаю, – радостно сообщила бабулька. – А ты че, из новеньких, не в курсах, куды пенсию нести?

Я уже хотела дать ответ, но тут старушка взвыла сиреной:

– Ритка! Рит! Подь сюды! Звонять тута, а не понять, чаво надоть!

– Слушаю, – бойко прозвучало из трубки.

Чуть не заорав от радости, я, старательно изменив голос, сказала:

– Добрый день, из поликлиники беспокоят. Уж извините, беда у нас случилась.

– Чем вам баба Лена помочь может? – усмехнулась Ларионова. – Ей сто лет в обед.

– Карточку мы ее потеряли, – лихо стала врать я, – а врач приказал уколы старухе поставить. Назовите ваш адрес.

Если честно, то мое заявление выглядело совсем не правдоподобным, Рита могла спокойно спросить: «Откуда ж тогда знаете номер, если посеяли историю болезни?» Но девушка мирно отозвалась:

– Это нетрудно, записывайте.

– Дверь нам она сумеет открыть? – осмелела я.

– Так ведь я дома, никуда не собираюсь уходить, – пояснила Рита. – Не переживайте, впущу медсестру.

Ларионова не обманула – створка распахнулась сразу. Только в прихожей стояла не та девочка-подросток с кладбища, а незнакомая мне женщина лет тридцати, с очень бледным лицом и распухшим красным носом.

– Здравствуйте, – чихнула она. – Не бойтесь, это аллергия. Вот скрутило! Пришлось с работы отпрашиваться. Вы медсестра к бабе Лене?

Я сделала круглые глаза.

– Нет, ищу Риту Ларионову.

– Это я, – удивилась собеседница.

– Вы?

– Ну да. А что случилось?

– Вот этот бейджик ваш?

– Мой, – еще более растерянно ответила Рита. – А как он к вам попал?

– Лучше объясните, как он оказался вот тут, в кармане, – прищурилась я и потрясла перед лицом Ларионовой черной курткой.

– Вещь моя, но… – окончательно пришла в изумление Рита. – Ничего не понимаю!

– Хто тама? – прошамкало из коридора, и из темноты появилась древняя бабка, облаченная в бордово-красный байковый халат. На голове старухи сидела абсолютно неуместная шерстяная спортивная шапочка с надписью «Yes».

– Гости у меня, – заорала Рита.

– Хто?

– Ступай в свою комнату.

– Настюша пришла?

– Нет.

– Она зефиру купила?

– Нет, – кричала Рита.

– Чаво? – не успокаивалась старуха.

Ларионова поманила меня рукой.

– Давайте пройдем в мою спальню. Баба Лена противнее репейника, прицепится, не отодрать.

В просторной комнате с двумя окнами Рита сказала:

– Повезло мне с соседями! Видали бабу Лену?

– У вас коммунальная квартира?

– Угу, – мрачно кивнула Рита, – угадали.

– А звонок на двери один.

– Верно, только тут кроме меня такие кадры живут… – завздыхала Ларионова, – бабка почти невменяемая, у нее в мозгах суп-пюре, меня за дочь считает. Иногда, правда, головой потрясет и спрашивает: «Когда ж я тебя родила? От кого?» А затем снова забывает. Настя еще маленькая, мать у нее умерла. Вот они обе – старуха и девчонка – на мне и висят. И нести тяжело, и бросить невозможно. Так где вы мою куртку взяли?

– Нашла, – обтекаемо ответила я, – на кладбище, у могилы.

– Где? – поразилась Рита.

И тут дверь в комнату молодой женщины распахнулась, звонкий голосок вывел:

– Ритуся, ты… – и внезапно затих.

Я ткнула пальцем в застывшую от изумления на пороге девочку.

– Поинтересуйтесь лучше у нее про вашу вещицу.

– Настенька, в чем дело? – воскликнула Рита. – Ничего не понимаю!

– Да все просто, – тихо продолжила я. – Ваша малолетняя соседка сегодня осквернила свежее захоронение – подожгла букеты на могиле Каркиных и бросилась бежать. Я поймала хулиганку, а она, оставив в моих руках верхнюю одежду, умчалась. Наверное, полагала, найти ее невозможно. Наврала, что носит имя Маша Иванова, только в кармане куртки бейджик лежал…

– Меня уже второй день колбасит и трясет, – растерянно пояснила Рита. – Вчера перед тем, как домой с работы идти, я бейдж отцепила и в карман сунула, куртку в прихожей на вешалке оставила. Утром пиджак надела, явилась в магазин и спохватилась: карточки нет… Настя, ты зачем без спроса вещи хапаешь? Я же всегда дам, но просто так брать некрасиво!

Девочка молча смотрела на меня, потом вдруг горько воскликнула:

– Чтоб ты сдохла! – и зарыдала так горько и отчаянно, что у меня защемило сердце.

Глава 9

Успокоить Настю удалось не сразу. Пока Рита пыталась напоить школьницу валерьянкой, я сгоняла на улицу, купила в супермаркете пирожных и, вернувшись к Ларионовой, предложила:

– Давайте попьем чаю!

– Смотри, Настюша, – засюсюкала женщина, – твои любимые, с фруктами. Вот повезло! До зарплаты неделя, а у нас на столе сладкое.

Настя вытерла слезы рукавом.

– Супер! Только она меня в тюрьму посадить хочет.

– Кто? – поразилась Ларионова.

– Вот эта, добренькая, – протянула девочка, – со сладким. Еле от нее убежала, а домой прихожу, она уже тут. Сука!

– Немедленно отвечай, в чем провинилась, – затрясла школьницу соседка.

– Ниче не делала, – соврала малолетняя нахалка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

О детстве и юности Виолы Таракановой рассказано в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

2

«Радуга мечты» – название придумано, все совпадения в наименованиях фирм случайны. Прим. автора.

3

Объявление подлинное, лично видела его в одной конторе. Прим. автора.

4

Наиболее полно судьба Ленинида рассказана в книгах Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Кекс в большом городе», издательство «Эксмо».

5

Вилка вспоминает события, описанные в книгах Толкиена. Прим. автора.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/kanikuly-v-prostofilino

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить